

Ян ВАЛЕТОВ

ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ ПРИЦЕЛЬНАЯ ДАЛЬНОСТЬ

Современная остросюжетная проза

Ян М. Валетов

**Остаться в живых.
Прицельная дальность**

«ОМІКО»

2019

Валетов Я. М.

Остаться в живых. Прицельная дальность / Я. М. Валетов —
«ОМІКО», 2019 — (Современная остросюжетная проза)

Солнце и море, кровь и смерть, секс и предательство. Клад, покоящийся в морской глубине, охраняют призраки прошлого. Все хотят найти его, но... Сокровище получит только один! Не важно, что ты делаешь... Не важно, что о тебе подумают... Важно только одно... «ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ» – авантурный роман, который вам обязательно захочется перечитать.

Празднование очередной годовщины Независимости Украины на киевском Майдане. На тщательно подготовленной позиции притаился снайпер. Его мишень – женщина, премьер-министр Украины. Человек с винтовкой не наемный убийца, он – киевский бизнесмен, любящий муж и отец. Но условия просты: жизнь премьера за жизнь его детей. Те, кто держит его за горло, уверены в успехе. Они думают, что сломали волю снайпера и он не окажет сопротивления. Но у каждого орудия убийства есть своя прицельная дальность... Содержит нецензурную брань

ББК 821.161.1(477)

Содержание

Остаться в живых	6
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ян Валетов

Остаться в живых. Прицельная дальность

*С благодарностью
моему издателю Петру Хазину – последнему энтузиасту
книжного бизнеса в Украине; Александру Мушкину, консультировавшему
подводные сцены книги;
Александру Данковскому и Игорю Сиду, оказавшим бесценную
помощь в редактуре текста; ребятам с форума «Figvat.net», моей
постоянной фокус-группе;
моей супруге Лесе, первому читателю, без которой ни одной из
моих книг просто не было бы.*

© Я. М. Валетов, 2017

© В. В. Малиновский, макет обложки, 2019

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Остаться в живых

Смерть стоит того, чтобы жить. Любовь стоит того, чтобы ждать.

Виктор Цой

Жемчуг живет жизнью своего владельца, он блестит, когда хозяин здоров, и тускнеет, когда тот умирает. Вот почему жемчуг называют иногда «слезами тоски».

И все же несмотря на все свои многочисленные достоинства, жемчуг так же, как и опал, в народе считается несчастливым камнем. Он якобы приносит владельцу утрату иллюзий и надежд.

Вообще жемчуг очень коварная драгоценность: в нем, как считают знающие люди, заключается негативная сила Луны. Поэтому относиться к нему надо бережно, иначе он начнет приносить несчастье. Но, как говорили на Руси: если человек в ладу со своей совестью, то и жемчуг поможет ему стать непобедимым...

Из статьи «О жемчуге»

Дизель завелся сразу, затарахтел, и бывший водолазный бот, а ныне прогулочный катер «Тайна» задрожал всем корпусом, раскачиваясь на пологой гладкой волне. Вода у низкой кормы забурлила, дурно пахло выхлопом, но серый вонючий дымок сразу отнесло дующим со стороны моря ветерком.

– Кузя, кончай лизаться! – крикнул Губатый, закрывая крышку моторного отсека, в котором лязгал старым железом дизель. – Якорь поднимай!

Олег послушался, оторвался от Ленки, соскочил с застеленного полотенцами и выгоревшим брезентом люка и бросился вращать кабестан. Якорная цепь загремела, наматываясь на барабан, звонко защелкал стопор.

Губатый зашел в разогретую августовским солнцем рубку, ухватил заглубевшими от соли ладонями отполированные временем и сотнями тысяч прикосновений рукояти штурвала и, подняв голову, уткнулся взглядом прямо в Ленкину промежность.

Изотова лежала перед ним на цветастом полотенце, опершись на локти, и насмешливо поглядывала на Губатого, который глаз не мог отвести от ее алого, как кровь, купальника, туго облепившего выпуклый лобок. Ткань купальника была тонкой, настолько тонкой, что казалась прозрачной. Он мог, не напрягая воображения, угадать под ней очертания срамных губ. Там, где купальник, превращаясь «ни во что», исчезал между ягодицами, были видны отдельные, еле заметные завитки волос.

Губатый шумно сглотнул.

Горло пересохло, чуть ли не до желудка, и загустевшая слюна, шурша, скатилась по пищеводе.

Ленка, прекрасно понимая, какой эффект на него оказывают ее бесстыдно расставленные длинные ноги, склонила голову к плечу и медленно, очень м-е-д-л-е-н-н-о перевернулась на живот.

Губатый был далеко не мальчик, и, несмотря на малый рост и далеко не богатырское сложение, барышень за свою мужскую жизнь поимел вагон и маленькую тележку, но в те секунды, что Изотова меняла позу, едва не кончил в широкие полотняные шорты, одетые на голое тело. Все, что в организме тридцатилетнего мужчины могло стать дыбом, – стояло дыбом. Губатый закусил губу, чтобы не застонать от боли в паху, – впечатление было такое, что между ног пульсирует от бешеного тока крови второе сердце.

Ленка выпятила в его сторону зад, делая вид, что разглаживает смявшееся полотенце, качнула бедрами, от чего Губатый со свистом втянул воздух, и опустилась грудью на подстилку, для верности стрельнув глазами из-под руки.

Ей нравилось дразнить Губатого.

Губатый зверел, когда она его дразнила.

Якорная цепь громыхнула и замерла в клюзе. Бормотание дизеля не могло заглушить крики висящих в воздухе чаек и шорох волн, набегающих на прибрежные камни.

– Готово! – крикнул Олег, как будто бы Губатый сам не слышал, что якорь выбран до упора. – Давай, Леха!

Вообще-то Губатого, капитана и владельца «Тайны», звали Леша Пименов, и оба его пассажира – и Ленка Изотова, и Олег Ельцов – были знакомы ему с детства. Ленка училась в параллельном классе, а с Олегом они даже сживали за одной партой, правда, особыми друзьями никогда не были.

Как раз из-за Изотовой.

Ленка и тогда была на загляденье – стройная, длинноногая, темноглазая, с рыжими короткими волосами, подстриженными карэ и слабоватая «на передок»: то ли по природной склонности, то ли просто рано созрела под жарким южным солнцем. По причине склонности к простым плотским утехам – а много ли надо прыщавым юношам для полного счастья? – Изотова вполне справедливо считалась первой красавицей и пользовалась нездоровой популярностью среди старшеклассников и курсантов Морской школы.

Пименов же в те годы считался завидным женихом.

Папа – коммерческий директор торгового порта, мама – хозяйка аж трех частных магазинов – о такой партии городские невесты только мечтали. И пусть в Лешке не было и ста семидесяти роста, пусть его круглая, как мяч, голова была покрыта редкими волосенками непонятного цвета, а губы (за которые он и получил свою кличку) более пристали Бобби Фаррелу, чем потомку кубанских переселенцев, но...

Но зато у него была своя собственная, почти новенькая «тойота», в бумажнике всегда водились деньжата, а на семейной двухэтажной даче в Абрау-Дюрсо, стоящей у самого озера, можно было «классно оттянуться».

Вот однажды они с Ленкой и оттянулись по полной программе. Потом еще раз. И еще. По молодости лет Губатому было глубоко параллельно, с кем Изотова крутит еще – с ней было здорово, по-настоящему здорово.

Секс для нее существовал сам по себе, без любви, романтических свиданий и серенад. Здоровое совокупление молодых тел – и не более того. Будучи от природы человеком неглупым, Лешка понимал, что молодых тел вокруг, хоть пруд пруди, да и еще более привлекательных, чем у него. Ленкино, загоревшее до полной шоколадности тело ждало ощущений, а не замужества и деторождения. А со шупловатым Пименовым она спала потому, что половина девчонок из их компании была готова забеременеть от него прямо завтра, чтобы послезавтра войти в дом его родителей в качестве невестки.

Ельцов же был в Ленку влюблен. Впрочем, он был парнем романтического склада, а Изотовой серенады под окном были нужны, как зайцу зонтик. Она проходила мимо стоящего у ее подъезда Олега в сопровождении очередного ухажера, словно Ельцов был не человеком, а частью ландшафта. Когда мимо него вот так же, с Ленкой под ручку, прошел Пименов, Олег пересел на соседнюю парту и старался без особых причин с Губатым не разговаривать.

Потом школа закончилась.

Изотова уехала в Питер, подался в Москву Олег, а Пименов остался в Новороссийске, так и не решившись никуда отправиться. Он крутил любовь с нетрезвыми курортницами, пил с каждым днем все сильнее и сильнее и испытывал судьбу, разъезжая невменяемым за рулем своей «тойоты».

Иногда он жалел, что Ленка уехала, может быть, потому, что, просыпаясь в постели с очередной подружкой, надеялся найти рядом ее.

В следующем году, во время войны за торговый порт, его удачливый отец был найден в одном из карьеров Цементной долины со следами от раскаленных утюгов на животе и ягодицах, и семья так и не узнала, сохранил ли ее глава тайну швейцарских номерных счетов. Коммерческий директор порта был человек аккуратный и педантичный, никаких документов ни дома, ни на работе не держал, и пуля, пробившая ему затылок, обрезала все концы.

Еще через два года мать продала магазины и дачу, вышла замуж за заезжего голландца и, оставив сыну часть денег в виде наследства, навсегда уехала в далекий Амстердам.

Той же осенью, в возрасте двадцати одного года, Леха Пименов пришел в себя в больнице «Скорой помощи» после тяжелой автомобильной аварии и обнаружил, что остался совершенно один, без профессии, денег, определенных занятий и мыслей о том, как жить дальше.

Три месяца в гипсе – достаточный срок, чтобы подумать о смысле жизни. Орган, ответственный за думанье, у Пименова отмер не окончательно. За окнами гудела и трясла крыши бора, свинцовые волны бежали наперегонки по Цемесской бухте. На подоконники ложилась серая цементная пыль, напоминающая Лехе запахом труп отца. Когда его нашли, он был больше похож на бетонного идола, чем на человеческое тело. Вспоминая об этом, Пименов, загипсованный с головы до ног, даже заплакал. Только плакал он больше от жалости к самому себе. За окном палаты скрипел обиженный ветром фонарь. По беленому потолку метались изломанные тени. Старая жизнь кончилась. Надо было все начинать заново.

Денег хватило, чтобы по старым отцовским связям выкупить в порту и отремонтировать древний водолазный бот, кое-как восстановить изуродованную «тойоту» и «смастерить» себе документы на судовождение.

До начала сезона Пименов «таксовал», возя пассажиров в Геленджик, Анапу и Краснодар, а когда пригрело солнце, начал предлагать морские прогулки и погружения с аквалангом понаехавшим в город курортникам. Расчет, как ни странно, оказался верным. Пузатая, как мультяшный буксирчик, «Тайна» пользовалась популярностью – клиенты находились почти ежедневно. Волны качали ботик, стучал компрессор, нагнетая сжатый воздух в исцарапанные баллоны, пахло сушеной ставридкой и водорослями.

Море лечило раны тела – Леха окреп, подкачал мышцы, раздался в плечах, что называется – заматерел. Даже шрамы – и те стали постепенно рассасываться, а вот раны души...

С этим было потяжелее.

Ночью, лежа без сна, в некогда шикарной, а теперь запущенной квартире родителей, он часто вспоминал упущенные шансы стать уважаемым и богатым. И Изотову, почему-то, тоже вспоминал. Даже запах от ее разгоряченного сексом тела – пряный, чем-то напоминающий сладкую горечь корицы, которой Лехина бабушка присыпала домашние пироги. В такие моменты Пименов особенно остро ощущал себя неудачником.

Он взял себе за правило не держать в квартире водку. Чтобы не напиться «в смерть», когда приходила тоска. Жалость к себе помогала ему не делать новых глупостей.

Леха стал мрачен и ощущал себя много старше своих лет.

Бывшие собутыльники – новороссийская золотая молодежь, встреч избегали, ухмылялись в спину и сочувственно похлопывали по плечу, когда от разговора было не отвертеться. Женщины Пименовым особо не интересовались – после аварии его тело напоминало тело Франкенштейна из одноименного фильма. Шрамов Пименов очень стеснялся.

Бизнес его процветал.

Он открыл счета в банке. Платил долю налоговикам и бандитам. Был в ровных, хороших отношениях с «погранцами» (которым тоже платил) и портовым начальством (им он платил с самого начала). И все без исключения, от ментов (которым он платил по случаю) до проститутток (которым платил регулярно), называли Губатого Леху серьезным мужчиной.

Лето было похоже на лето. Год был похож на год. Прошлой осенью он отпраздновал тридцатилетие.

Праздник получился печальный. За три дня до события от матери пришла поздравительная открытка, а в день рождения она позвонила ему на мобильный. Голос у нее почти не изменился, и Леха вспомнил, что мать, в сущности, еще молодая женщина, не перевалившая за шестьдесят. Говорила она с акцентом, но, кажется, искренне звала приехать в гости. Пименов вполне мог себе это позволить вне сезона, но, если говорить честно, ехать к матери и ее голландскому мужу ему не хотелось.

Зимой он опять «таксовал», уже не на почившей в бозе «тойоте», а на сравнительно свежем «хендэ», возился с судном, где всегда находилась работа, помогал нанятому механику перебирать старенький дизель «Тайны» и ждал, когда перестанут дуть ветры, напоминающие ему о смерти.

А в самом начале августа, когда сезон был в самом разгаре, теплым вечером на пирсе появились они.

И Ельцова, и Ленку Губатый признал сразу, словно не прошло больше десяти лет с той поры, как они расстались.

Нет, они конечно изменились.

Олег потяжелел на добрый пуд, был коротко острижен, раздался в плечах и в бедрах, поседел. Ленка же, казалось, похорошела. Стала более женственной, что ли? Черты лица стали мягче, не так выделялись скулы. Легкие брючки из светлой ткани подчеркивали стройность ног, а рыжие волосы по-прежнему были подстрижены в короткое карэ.

Оба они были бледны нездоровой городской бледностью, и даже по цвету кожи Пименов мог с легкостью определить, что живут они в Москве или Питере. Таких, как они, в Новороссийске называли «детьми подземелья».

В руках у Олега была объемистая сумка, на плече – небольшой рюкзачок, новомодный, кожаный и с клапаном. Ленка же держала совсем маленький баул – подобный, дежурный, лежал у Лехи в багажнике «Сонаты», на случай, если придется ночевать в чужом городе. В такой много не втиснешь: смена белья да зубные щетки с мылом.

– Здорово, Леха! – сказал Ельцов, улыбаясь. – А мы к тебе!

Ленка просто улыбнулась и помахала Губатому ручкой. Сердце у Пименова ударило в грудную клетку, как в колокол.

Он стоял на палубе «Тайны» и не мог решить, что ему делать. Радоваться или огорчаться? Прошлого стояло на пороге. Прошлого в виде приятеля и девушки, с которой он когда-то спал. Они приехали вместе. У них всего две сумки с вещами и одна общая с умывальными принадлежностями.

Тут не надо быть Пинкертоном.

– Входите, – сказал он, вытирая руки вафельным полотенцем. – Я как раз завтрак готовлю.

Рукопожатие у Олега оказалось довольно крепким, но ладонь была мягкая, ухоженная, как у человека никогда не занимающегося физическим трудом. Ленка крепко обняла Губатого обеими руками и чмокнула в щеку. При этом ее круглые и все еще (неужели?) крепкие груди прокатились по его груди, и Пименов почувствовал, что его «дружок» узнал свою «подружку». В рабочих джинсах это было не очень-то заметно, но Ленка, кажется, усекла все с ходу и посмотрела на него с радостным удивлением, пряча улыбку в уголки рта.

Они действительно приехали из Питера. Олег закончил архивно-исторический и попал на работу в архив Адмиралтейства. Играл джаз на «сейшенах» (он неплохо владел саксофоном), считал себя богемой и жил, наслаждаясь питерской атмосферой.

Ленка, помыкавшись в Москве, приняла участие во второсортном конкурсе красоты, вошла в пятерку победительниц и полгода проработала в каком-то рекламном агентстве.

Работа модели ей нравилась, но быстро приелась. Больших денег не платили, зато спать приходилось со всеми желающими работодателями, что само по себе не пугало, но напрягало рутинностью действия.

Потом один питерский бизнесмен увез ее в Северную Пальмиру, якобы, чтобы жениться. Но с женитьбой не задалось – деятель раздумал, но денег немного дал и даже купил ей однокомнатную «хрущевку» на Варшавской.

Ленка получила диплом фармацевта, устроилась провизором в аптеку неподалеку от Апраксиного Двора, и однажды (тут они чуть поспорили) три или четыре года назад в эту самую аптеку с похмелья забрел Ельцов.

– Так чудом воссоединились влюбленные души! – воскликнул Ельцов, вздымая руки, словно священник-расстрига.

А Ленка снова стрельнула в Губатого своими волглыми глазюками, и он почувствовал, что его ноздрей коснулся слабый запах корицы.

– С тех пор мы и живем вместе, – пояснил Олег и полез в сумку. – Ну, давай, Леха, за встречу...

– Я не пью, ребята, – сказал Губатый и добавил: – Вообще не пью. Отпил свое.

– Ах, да, – вмешалась Ленка, – мне мама писала. Ты ж разбился пьяный.

– Что же ты так, Леха? – с укоризной произнес Ельцов и покачал головой. – Раз ты не будешь, и мы не будем без хозяина...

Но гости, конечно, не утерпели.

После яичницы с помидорами, луком и салом, под крепкий кофе с коричневым контрабандным сахаром, они с Ленкой переглянулись, и Ельцов сказал:

– Слушай, Леха, дело есть... Как минимум на миллион!

Как выяснилось, дело было не на миллион. Если брать по-скромному – на несколько. И не рублей. Пока Ельцов рассказывал, Ленка курила, она вообще много курила, почти не выпуская сигареты изо рта.

Они сидели в кают-компании, за деревянным, темным от времени столом, и Губатый внимательно слушал историю, больше похожую на авантюрный роман тридцатых годов уже прошлого столетия.

В 1913 году, еще до начала войны, в Индийский океан была направлена российская экспедиция. Финансировало ее Географическое общество и частично одна из Великих Княгинь, интересовавшаяся естественными науками и, в частности, теорией Дарвина. Задачей ученых был сбор животных и растительных образцов, антропологические исследования, научная фотосъемка. К экспедиции было прикомандировано судно – пакетбот «Нота», небольшой, сравнительно новый, в четыреста тонн водоизмещения, с паровой машиной и четырьмя пушками. Разразилась Первая мировая война. Но работа была рассчитана на пять лет, и «Нота» продолжала плавание у чужих берегов.

Неподалеку от Макао, в феврале 1917 года, российские ученые натолкнулись на полусгоревшую джонку с мертвым экипажем. В джонке помимо трупов обнаружился подкопченный, но вполне живой пес и деревянный ящик со сдвижной крышкой, размерами 14 на 8 и на 5 дюймов, полный отборного жемчуга. Всего ящик хранил в себе тысяча четыреста восемьдесят одну жемчужину, размерами от пяти до двадцати пяти карат. Каждая жемчужина была аккуратно завернута в рисовую бумагу с китайскими надписями на ней. По международным законам судно, нашедшее в море другое судно, брошенное экипажем, имеет право забрать себе находку или ее груз в качестве приза.

Джонка благополучно затонула, увлекая за собой мертвых китайских моряков, а пес и ящик с жемчугом перекочевали на «Ноту», о чем была сделана соответствующая запись в судовом журнале.

Случилось так, что экспедиция, возглавляемая профессором Петербургского университета Викентием Павловичем Чердынцевым, должна была воротиться домой аккуратно в июне 1918-го. Благодаря мальтийской приписке судно прошло через Босфор и Дарданеллы, но в Севастополь путь был закрыт. Там уже стояли немцы, и батареи Северной стороны перекрывали вход в бухту, как в бутылочное горло.

Чердынцев, не подхвативший революционную бациллу, но как истинный патриот своей страны и не помышляющий о сдаче судна немцам, развернул «Ноту» на Новороссийск, и 18 июня на траверзе Цемесской бухты своими собственными глазами наблюдал, как от выстрелов с «Керчи» уходят под воду боевые корабли – краса и гордость русского флота. На крохотный пакетбот никто не обратил внимания, и «Нота» вышла из Цемесской бухты в сторону Туапсе. Но той же ночью налетела на «бродячую» мину и затонула неподалеку от мыса Чуговпас.

В этом месте рассказа Олег торжествующе посмотрел на Пименова и поднял вверх указательный палец.

– Я тебе таких историй рассказать могу – вагон и маленькую тележку, – сказал Губатый, с иронией разглядывая школьного приятеля. – У меня на «Тайне» каждый, кто первый раз баллоны надевает, грезит о греческих ладьях, пиратских бригах и тайных сокровищах рейха. Но это только в первый раз. Потом умнеют.

– И что? – спросила Изотова. – На дне моря нет затонувших кораблей?

– Как гряззи... – ответил он.

Голос у Ленки стал прокуренным, хрипловатым, но от звуков этого голоса по спине у Пименова побежали «мурашки», крупные такие, величиной с огурец-корнишон. Он едва сдержался, чтобы не передернуть плечами.

– Тут, в бухте, полно. И по побережью я с десяток насчитаю без труда. Штук пять, вообще, на глубинах до «пятнашки» – ныряй – не хочу. Я к ним туристов вожу, на подводные экскурсии. Только сокровищ на них нет. Ничего там нет. Ни скелетов пиратов, ни сейфов с бриллиантами. Бред это все. Есть несколько транспортов с танками и грузовиками. Танк можете коллекционерам продать, если поднимете. Только предупреждаю сразу – денег запалите больше, чем за него дадут.

– На «Ноте» сейф есть, – возразил Олег. – Их там даже два. Тот, что нам нужен – в каюте начальника экспедиции. В капитанском тоже есть золотые монеты, но мало. Игра не стоит свеч.

– Вы ко мне пришли, как к специалисту? – спросил Губатый серьезно. – Я вам как специалист и говорю. Бред. Детские сказки. Ты, Ельцов, Стивенсона в детстве перечитал. Есть такая книжка – «Остров Сокровищ». У меня таких энтузиастов-кладоискателей – каждое лето наезжает человек по десять. Некоторые с картами...

Он отхлебнул горячий, сладкий кофе из тяжелой керамической чашки с надписью «Нескафе» и продолжил:

– Картами старыми, на сто процентов надежными, от дедушек с бабушками по наследству полученными. Я даже знаю одного парня в Ростове, который на таких картах делает неплохие деньги. Рисует и продает. Не перевелись еще идиоты на земле русской. Хотите, он вам клиента найдет?

– А у меня карты нет, – Ельцов развел руками, изображая простодушие. – Ее и быть не могло. Но я знаю, где лежит «Нота». У меня есть план судовых помещений. Даже схема расположения ящиков с материалами экспедиции в трюмах. От взрыва судно развалилось на две части. Одна, носовая, затонула сразу – они поймали мину левой скулой, как раз на три четверти длины корпуса. А корма продержалась на плаву еще десять минут. Ночь была безветренная, но там возле берега течение. То, что мы будем искать, лежит в двухстах – двухстах пятидесяти метрах от берега. Какая там глубина, я точно не знаю: по лотиям от двадцати до пятидесяти, дно там как изрытое – ямы да скалы.

– От забора и до обеда, – хмыкнул Пименов. – Ты в море когда-нибудь что-то искал? От двадцати до пятидесяти! Мечтатель!

– Ну, почему же мечтатель? Я, Леха, по образованию специалист по систематизации, хранению и обработке информации. Разве я сказал, что у меня на руках только слухи? – спросил Олег и обратился к Ленке. – Дай сумочку, Лен. Я ж говорил тебе, что Леха всегда был Фомой Неверующим...

В сумочке оказалась дешевенькая китайская папочка из зеленого пластика и тонкая стопка ксероксных копий документов, некоторые из них были рукописными.

– Это все попало в Адмиралтейство, – пояснил Ельцов. – Непонятно каким образом, но есть даже копия протокола допроса заместителя Чердынцева – Бирюкова. Чердынцев погиб в кораблекрушении, а Бирюков выжил. Он и вынес на берег судовой журнал. Как оказалось – не зря... Его арестовала ЧК в марте 1920-го.

– А дальше? – Пименов рассматривал странички, на которых некоторые строчки были отчеркнуты, а некоторые аккуратно замараны черным.

– Дальше? Что дальше, – Ельцов взял с блюда крекер. – Дальше – ничего. Бирюкова уже в апреле пустили в расход. Дворянин, в чинах, и не раскаялся... Собственный двоюродный братец и пустил – он тогда заместителем в Ростовском ЧК трудился. А самого братца тоже расстреляли, но в августе. Тоже за то, что дворянин. Забавно, правда?

Губатый ничего забавного в таком течении событий не видел, но возражать не стал.

– Документы с показаниями Бирюкова достойно не оценили – в начале тридцатых они попали в ЭПРОН, а оттуда в Адмиралтейство. Но только перед самой Второй мировой. Так что ход бумагам так и не дали. Все-таки классная штука – бюрократическая машина.

– И как ты по этим документам собираешься определить место кораблекрушения? – Леха положил бумаги на столешницу. – Или оно указано в вымаранных местах?

– Ну, – протянул Ельцов с хитрецей, – некоторые косвенные указания есть и тут. Но основное...

Основное оказалось у Ленки.

На зарплату фармацевта да оклад архивариуса сильно не пощикуешь. Особенно в стольном граде Питере, особенно когда молоды и хочется всего и именно сейчас. Ленка по чуть-чуть, осторожно приторговывала наркотой, вернее не самой наркотой, а некоторыми препаратами, которые так просто в аптеках не купишь. Олег вынес на продажу несколько бумаг из архивов, но денег за них дали немного – коллекционеры благотворительностью не занимаются, а стащить что-нибудь по-настоящему ценное Ельцов не сумел. Или побоялся. Они, конечно, не голодали, но жили стесненно, и когда Лене предложили делать пожилой соседке уколы – курс какого-то достаточно дорогого восстанавливающего препарата по сто рублей за два визита в день, утром и вечером – она с радостью согласилась.

Соседка оказалась чистенькой старушкой, перевалившей за девяносто и напоминавшей мумию Тутанхамона, только без маски. Вначале Изотова подумала, что колоть восстанавливающий препарат этому реликту – чья-то злая шутка, но быстро сообразила, что не права. Старушка, конечно, была древней, но функционировала просто на славу – ее постоянная сиделка наравдаться не могла: ни пролежней, ни запоров, ни почечной недостаточности. Но все работать, как часы, просто не могло, и возраст брал свое. У бабульки был склероз, и она иногда не помнила, как ее саму зовут, но вот то, что происходило в годы ее молодости, могла рассказать в лицах.

А молодость соседки пришлась как раз на революцию. В гостиной, над старым кожаным диваном (при взгляде на который на ум приходил нанюхавшийся кокаина до полного остекления Дзержинский, пьяный Блюмкин с маузером наголо и лающие выхлопом грузовики во внутреннем дворе Лубянки), висели пожелтевшие фотографии. В основном групповые снимки. Несколько человек в сюртуках, при бородах и бакенбардах стоят на пирсе возле

какого-то судна. Эти же люди в тропическом обмундировании на песчаном пляже. Пальмовый остров, скорее всего – атолл. На его фоне – шлюпка, в ней люди в пробковых колониальных шлемах. Опять двухмачтовое судно у низкого дощатого пирса. На высокой скуле надпись «Нота».

Изотова, которой ее гражданский муж не далее, чем на прошлой неделе, рассказал историю экспедиции Чердынцева, остолбенела. Но женский ум изворотлив, и через двадцать минут Ленка сообщила ожившей после укола соседке, что ее муж-историк пишет диссертацию о российских путешественниках начала века.

– Вы о фотографиях? – прошептала старушка. Голос у нее был, как у юной выпускницы Института благородных девиц. – Нес па?

Изотова в школе и в медицинском училище учила английский, но на всякий случай кивнула головой.

– Это мой дядюшка, – пояснила старушка. – Викентий Павлович Чердынцев. Я его превосходно помню, хотя, когда они уезжали, мне было всего восемь лет. Он держал меня на руках и поцеловал в лоб. Это было в Севастополе, летом тринадцатого года. Дядя Викентий называл меня – ма птит этуаль¹. Милейший был человек! Больше мы его не видели.

– А фотографии? – спросила Ленка. – Откуда?

– Он писал моей матери, своей сестре. Писал много. Он, знаете ли, был превосходный рассказчик. Каждое его письмо было, как новелла. Мы получали их всю войну. Уже в семнадцатом году, в марте, до нас дошло последнее. Никто в семье не знал, что случилось с Викентием Павловичем. Мы оставили Севастополь. Отец воевал у Врангеля, он был полковник артиллерии и погиб в Крыму. Мы с мамой уехали в Петербург, пардон, тогда уже в Петроград. И, представьте себе, девочка моя, в двадцать третьем году, зимой, а зима надо сказать, в тот год была суровая, к нам приходит человек, который сообщает нам о горестной судьбе дяди Викентия. Оказывается, его прах покоится на берегу моря, в одной из бухт рядом с Новороссийском. Судно, на котором Викентий Павлович ходил в экспедицию, затонуло 19 марта, еще в восемнадцатом году.

– «Нота»... – сказала Изотова, глядя на фотографии.

– «Нота», – отозвалась эхом старушка. Глаза у нее были пронзительно василькового цвета, а веки сморщенные, практически без ресниц. – Это был матрос с «Ноты». Он сказал нам, что никто более не выжил. Только он. А тело дядюшки выбросило на берег неподалеку, и он его похоронил. Этот человек сказал, что ночью, той ночью, был взрыв и все, кто был в каютах, погибли сразу же или утонули оглушенные.

Он нес вахту, и его выбросило за борт. Очень хороший человек. Его звали... – старушка задумалась и просветлела лицом, вспомнив совершенно бесполезное имя. – Арсений Петрович! Он принес нам нарисованную от руки карту с отметкой, где именно находится могила Викентия Павловича. Чтобы мы могли поставить там крест.

– Он ушел? – спросила Изотова, невольно зачарованная голосом соседки и ее рассказом.

– Кто?

– Матрос... Арсений Петрович.

– Я же сказала вам, девочка моя, зима была очень суровой. Он пришел к нам в дом уже с горячкой. Так что... Увы, он никуда не ушел.

– А вы ездили на дядюшкину могилу?

– Да, милочка, ездили, с моим покойным супругом. В двадцать девятом году, как я помню. Карта была точной, мы нашли бухту – туда можно было спуститься по такой крутой, козьей тропе, но мы не рискнули. Очень уж высоко. Попросили рыбаков, и нас привезли морем. Все на месте, как рассказывал Арсений Петрович. И черная скала на входе, и стена из валу-

---

¹ Ма птит этуаль (*франц.*) – моя маленькая звездочка.

нов, но могилу мы так и не нашли. Столько лет прошло. Супруг беседовал с рыбаками, и они рассказали, что в тех местах бывают шторма, которые за неделю меняют весь берег – оползни, камнепады. Целые горы падают в море! Немудрено, что могила не отыскалась.

– София Николаевна, – Ленка называла соседку уважительно, без всяких фамильярных «тетя Софа» и прочих невоспитанностей. – А вы не сможете дать Олегу какие-нибудь документы во временное пользование? Снять копии для диссертации. Он обязательно напишет раздел об экспедиции вашего дядюшки!

– Конечно, милая, – пропела старушка своим девичьим голоском. – Почему не дам? Дам обязательно! А сейчас, милая девочка, поправьте мне, пожалуйста, подушки...

– Так что карта у нас есть, – продолжил за Изотовой Олег. – И бухта на ней отмечена.

– Ночь, – сказал Губатый. – Только что рвануло так, что этот самый матрос летел с юта, как буревестник. Ты когда-нибудь плавал в море ночью, Олег? Если есть полная луна, то берег еще кое-как видно. А если нет? Не видно ничего! И куда плыть – тоже не видно. Может быть, этот матрос выполз на берег в пяти милях от того места, где затонул пакетбот? А может быть, в двух шагах? А если корму отнесло, и она ушла на глубину, куда с аквалангом не сунешься? А если обломки растащило течениями и штормами? А если твой сейф зашвырнуло взрывом на кабельтов? Знаете, друзья, за сезон я зарабатываю немало «зелени», катая приезжих по морю и организуя им рыбалки. Погружения тоже приносят копеечку. Сейчас сезон. У меня нет ни времени, ни желания заниматься детскими играми. Я понял, что у вас, ну, просто стопроцентное дело...

Тут он улыбнулся довольно противно.

– Приезжайте осенью. В октябре, например. Поговорим.

– Осенью начнутся шторма, – возразила Ленка. – Ты что «грузишь», забыл, что мы тоже здесь выросли? Перестань, Пима! Такой шанс бывает раз в жизни!

– Ну, ну... – сказал Леха. – Что это вы мне за шанс предлагаете?

– Пять процентов! – быстро проговорил Ельцов.

– Щедро, нечего сказать. – Пименов встал, хрустнул суставами. – Так, давайте-ка, по быстрому, выметайтесь! У меня через час группа на экскурсию в Джанхот²...

– Десять! – вмешалась Изотова.

– Давайте, давайте, голубки... По родительским гнездышкам! Вон, через пирс Арчибалд стоит, дуйте к нему. Или к Остапу на «Пегас». Порт большой, с кем поговорить найдете! Или вечером в ресторацию на морвокзал приходите, там Гриня крутится... Помнишь Гриню, Олежка? Ему предложите, и его братве... Процентов за десять в вашу сторону.

– Ты же знаешь, почему мы пришли к тебе? – спросила Изотова своим «подкожным» голосом.

– Я-то знаю. А вот вы – знаете?

– Мы же старые друзья... – неубедительно проговорил Ельцов.

– Друзья? – переспросил Губатый ухмыляясь, как Анжела Дэвис³ в молодые годы. – Ну, да... С Ленкой – это да. Можно сказать, друзья. Только при чем здесь это? Давайте так – борщ отдельно, мухи отдельно. То, что вы предлагаете, бизнес. Стремный, гнилой, бредовый, но бизнес. И все сопли, слюни и поллюции с фелляциями тут побоку. Вы мне предлагаете устроить цирк в разгар сезона. Бросить нахер работу, которая меня кормит, и играть с вами в казков-разбойников. За это мне с барского плеча предлагается аж пять процентов. Так вот, я вам отвечаю – нет. Хотите – бесплатно на лодке покатаю, в память о... – он посмотрел на Ленку и вспомнил, как ее пятки, гладкие и твердые, скользили по его спине, и блестили под светом

---

² Джанхот – курортное местечко неподалеку от Новороссийска, на побережье Черного моря.

³ Анжела Дэвис – Активистка антирасистского движения в США в 70-х годах прошлого века. Была популярной фигурой в советской прессе. Обладала характерной внешностью, свойственной негроидной расе.

неверной южной луны белки закатывающихся глаз, – дружбе. На рыбалку свожу. Посмотрим красоты побережья.

– Зае...л! – сказала Изотова. Ленка всегда была острой на язык, но сейчас матерные слова слетали с ее уст настолько естественно, что Леха даже удивился. – Кончай выпендриваться, Пименов. Ты прекрасно знаешь, что сунься мы куда-нибудь и все, пиз...ц, приехали. Если там, на дне, и есть что-то, то нам его не видать, как своих ушей. Выпотрошат, как курицу, и бросят в овраги за Цемдолиной⁴.

– Это сейчас не модно, – Губатый достал из рундука кожаный кисет с контрабандным табаком и короткую пенковую «носогрейку». – Народ теперь правильные фильмы смотрит. Делают так. Берется тазик, в него ставится воспитуемый, потом на ноги воспитуемого, в этот самый тазик, льется жидкий цемент. Цемент застывает. Обычно, к этому времени воспитуемый уже полностью осознает, что и кому надо рассказать. Если же нет или в рассказе нет необходимости, человек с тазиком становится скульптурной композицией на дне бухты. Или на рейде. В общем, куда довезут...

– Пугаешь, Пима? – Ленка осклабилась. В ней определенно было что-то от дикой кошки: припавшей к земле, оскаленной, с прижатыми к голове ушами.

В этот момент Губатый четко определил, у кого из этой парочки больше яйца. Конечно, фигурально... Уж он-то совершенно четко знал, что у Ленки там никаких яиц нет.

– Да чего вас пугать? – произнес он безразлично, раскуривая «носогрейку». – Хотите, как-нибудь покажу? Впечатляет... Особенно в первый раз.

– Сколько ты хочешь? – спросил Ельцов.

Изотова опять спрятала коготки и глядела на Леху со знакомыми с юности «чертиками» в черных глазах.

– Равную долю. Треть... – выдохнул Леха вместе с дымом.

– Хороший аппетит, – заметила Ленка с ухмылочкой.

– Не жалеюсь, – согласился Пименов. – Море, свежий воздух, знаешь, постоянно хочется кушать.

– Давай – двадцать! – предложил Олег. – Ты представляешь себе, сколько это денег?

– Много, наверное, – отрезал Губатый. – Треть.

– Двадцать пять! – выпалил Ельцов. – Совесть имей!

– Треть! – твердо сказал Леха, глядя на Изотову сквозь повисший в каюте дымок. – Или дуйте к Арчибальду. Поторгуетесь.

– Ты так и хочешь нас трахнуть! – произнес Ельцов жалобно.

– Не обобщай, – возразил Пименов. – Ты меня не привлекаешь...

Ленка опять улыбнулась.

Губы у нее были пухлые, красивые и яркие даже без помады. Розовый острый язычок вынырнул изо рта и прошелся по кругу, увлажнив кожу до блеска.

И Пименов вспомнил.

«Вот черт! – подумал он, напрягаясь. – Это просто наваждение какое-то! А ну – лежать!»

– Ладно, – сказал Ельцов. – По рукам. Треть. Жлобина ты, Пименов!

– Если там что-то и есть, – сказал Губатый, вытягивая ноги. – То без меня вам его не взять.

Солнце уже висело высоко над Семью Ветрами⁵, и в кают-компании становилось жарковато – он сбросил со ступней парусиновые туфли на пробковой подошве и с наслаждением пошевелил под столом голыми пальцами. Доски пола были гладкими и прохладными.

---

⁴ *Цемдолина* (Цементная долина) – так в Новороссийске называют район и промзону, где расположены многочисленные цементные заводы и открытые карьеры и срезы, где для них добывают сырье.

⁵ *Семь Ветров* – название одной из горных вершин, господствующей над Новороссийском.

– А если там ничего нет, то считайте, что вы перегадили мне сезон. А здесь, в провинции, мы живем от сезона до сезона.

– Если найдем сейф – купишь себе остров! – Олег налил в рюмки водку и ухватил с тарелки четвертинку разрезанного яблока.

– На хера мне остров? – спросил Пименов с искренним удивлением. – Лучше уж метр государственной границы. И я через год буду самым богатым человеком Краснодарского края.

– Столько отборного жемчуга! Двадцать пять карат! Неужели у тебя совсем нет воображения? – спросила Изотова. – Ты и так будешь самым богатым человеком Краснодарского края. Никто и предположить не может, сколько сейчас стоит этот жемчуг.

– Знаешь, Лена, – сказал Губатый, не отводя от нее взгляда. – Меня жизнь научила, что, даже будучи королем, надо вечерами еще и подшивать... Ничего вечного не бывает, даже богатства. Ладно. Вы по домам?

– Мама в Джубге⁶, – Ленка пожала плечами. – Папа, скорее всего, пьет с друзьями на даче. В прошлом году я у них неделю гостила, так в городе и не была... Все не до того! Сад, огород... Одним словом – пенсионеры!

– А мои в Краснодаре уже четвертый год, – сообщил Ельцов. – Отца перевели.

Губатый огляделся.

– У меня в каюте четыре койки. Тесновато. Но можете оставаться, если есть желание. Ночи теплые. Я могу лечь на палубе. Напишите список того, что нам может понадобиться. Все, что надо для погружений, у меня есть. Вот моя мобилка.

Пименов написал номер карандашом на краю свернутой вчетверо газеты и встал.

– Пойду, предам клиентов в руки конкурирующих фирм.

Он заметил, что Ельцов с удивлением смотрит на книжную полку.

– Что не так? – спросил он.

– Столько книг, – сказал Олег недоуменно и перевел взгляд на Губатого. – Ты много читаешь?

– Нет. Я на них смотрю.

– Я не помню, чтобы ты когда-нибудь читал, – протянула Изотова задумчиво.

– Ты много чего не помнишь, – подтвердил Губатый, натягивая на ноги туфли. – Время идет. Люди меняются. Так. В рубку не лазить. Ничего непонятного не трогать. Скоро буду. Располагайтесь.

На выходе из бухты «Тайну» начало ощутимо покачивать.

Ельцов побледнел, а когда они легли на курс и качка стала бортовой, то и вовсе позеленел и повис на леерах тряпочкой. Ленка же, наоборот, ожила и порозовела от свежего южного ветра, несущего мелкую водяную пыль, и с наслаждением подставляла лицо солнцу. «Тайна» шла в десяти кабельтовых от берега, смешно переваливаясь на низкой волне кургузой широкой кормой, обвешанной старыми покрывками, и ровно держа скорость около восьми узлов.

На исходе первых двадцати минут того, что крайне условно можно было назвать плаванием в открытом море, Ельцова стошнило за борт, и Губатый понял, что моряка из Олега уже не получится. Получится одна большая проблема. Такие вот «морские волки», помирающие от легкой качки, как только «Тайна» отдавала швартовы, попадались довольно часто – пару раз в декаду как минимум. Но одно дело прогулка на несколько часов и совершенно другое – выход в море на несколько недель.

Изотова стояла у самой рубки, возле открытого окна, и Пименов негромко сказал, перекрывая стук дизеля:

– Ты б его с палубы забрала. Пусть ляжет. Нам еще долго телепаться.

---

⁶ Джубга – небольшое курортное местечко на побережье.

– Кузя! – позвала Ленка, не открывая глаз. Она так и стояла, подставив лицо под влажный и теплый воздушный поток, с закрытыми глазами, чуть отведя плечи назад, словно собиралась шагнуть вперед или взлететь, взмахивая руками, как крыльями. – Кузя! Тебе плохо?

Ельцов поднял к ним землистое лицо, на котором было написано неподдельное страдание, и опять вырвал, мучительно вздрагивая спиной.

– Пусть проблюется, – сказала Изотова ровным голосом. – Лучше здесь, чем в каюте. Мне потом что – в этом всем спать?

– Дело твое. Он хоть плавать умеет?

– Кончай, Пима... А то ты не помнишь? Вместе же на пляж бегали. Умеет, конечно. Упадет – выловим, не потонет. А в каюте пачкать – обломится.

– А почему Кузя?

Она улыбнулась.

– В честь кота. Был у меня кот Кузя. Страшно лизаться любил. Ну, просто везде... Даже рассказать неудобно. И этот такой же – мистер Поцелуйкин. Вот я и назвала его Кузей. А что? Не подходит?

– Ну, – протянул Губатый с серьезной интонацией, – настолько близко я его не знаю...

На это раз Ленка открыла один глаз и оценивающе глянула на Пименова, двинув аккуратно щипаной бровью.

– Ты смотри! Как мы ироничны! Знаешь, Леша, я, оказывается, тебя не знала совсем. И не таким представляла при встрече. Ты же был... – она подыскала слова – ну, маменькин сынок, никчема. Ты же никакой был. Просто богатенький Буратинка. Сынок своих родителей. Трахался, правда, хорошо, так, как мне нравилось...

– Да, ну?

– Что – да, ну? Ну, да... Стала бы я на тебя время тратить! Особенно в те годы! Хоть и маленький, а весь в корень ушел... И я тебе нравилась.

– Ты, положим, всем нравилась.

– Брось, Пима! Ты думаешь, я сегодня не усекла, как у тебя на меня стоит?

Губатый возражать не стал. Глупо было бы возражать. Тем более что и сейчас факт, можно сказать, был налицо.

– Тогда я был – никакой, а сейчас? Сейчас – какой?

– Да, как тебе сказать... Я думала – ты проще.

– Как мыло...

– Как мыло? Тоже ничего... Знаешь, мать писала, что ты пьешь сильно, что учиться не поехал. Про аварию писала. В общем, я думала.

– Да я понимаю, что ты думала. Мне просто выжить захотелось. Когда ни мамы, ни папы рядом – оно как-то настраивает.

– Не всех, – коротко возразила Изотова.

– Не всех, – согласился Леха, наблюдая за тем, как бедолашного Ельцова выворачивает за борт в очередной раз. – Все. Можешь забирать своего Кузю. Пустой, как барабан. Каюту пачкать нечем будет.

Она шагнула вперед.

– Постой, – окликнул ее Губатый. – В каюте, в гальюне, аптечка на стенке. Там есть «аэрон». Дай ему таблетку. Пусть ложится. Потом свари мне кофе.

– Пожалуйста.

– Что?

– Ты не сказал мне «пожалуйста». Свари мне кофе, пожалуйста, Лена. Или – Лена, свари мне кофе, пожалуйста. На твой выбор. Но «пожалуйста» – обязательно.

– Ты решила меня проверить?

Она покачала головой.

– Нет. Что проверять? Мне и так все понятно. Если я тебя о чем-то попрошу, я тоже скажу «пожалуйста».

– Правила игры?

– Да, правила игры.

– Идет. Изотова, заberi с палубы своего больного мужа, уложи его спать и, пожалуйста, свари для меня кофе!

– Договорились.

В каюту Ельцов шел сам, но опираясь на Ленкино плечо и шумно втягивая воздух через стиснутые зубы. На Губатого он поглядел жалобно, как искалеченная собака.

– Морская болезнь, – пояснил он. – С детства.

– Ну, если бы ты сказал, что что-то не то съел – я бы не поверил, – сказал Пименов. Ложись, ради Бога, нам еще до места плыть и плыть...

– Я потерплю, – пообещал Олег, спускаясь по узкому трапу в каюту.

– Куда ты денешься... – ответил Губатый.

Через пять минут Ленка взлетела по трапу, как птичка. Она даже переодеться успела – теперь на ней были легкие шорты, скорее похожие на велосипедные трусы, и короткая облегачающая майка. Вокруг бедер она повязала легкий, как газ, платок – парео.

Она принялась готовить кофе, напевая себе под нос, звякая посудой за спиной у Пименова. На «Тайне» камбуз не было. Рубка служила и кают-компанией, и камбузом – благо места хватало и для стола, за которым можно было поесть вчетвером, и для маленькой газовой плитки на две конфорки. Был тут и холодильник – правда, совсем небольшой, и рундук для продуктов, переложенных сухим льдом.

Пименов подумал, что мужик никогда бы сам не разобрался, обязательно спросил бы – где и что лежит. А Изотова справилась сама и, став рядом с ним у штурвала, молча сунула ему в руки кружку с кофе. И стояла она грамотно – цепко, чуть расставив крепкие, гладкие ноги, повторяя телом рисунок качки: вправо – влево, вправо – влево.

Он оглянулся. Мыс Дооб остался сзади, по левую руку, окончательно скрыв рассыпавшуюся по склонам Кабардинку⁷.

В Цемесскую бухту с рейда заходил громадный танкер. Впереди него, связанные с гигантом канатами-паутинками, суетились два буксира.

Танкер гудел.

– Красиво, – сказала Изотова. – Боже мой, как здесь красиво. Я уже и забыла, как это здорово – дышать открытым морем. Ты счастливый человек, Леша.

Губатый усмехнулся в усы.

– Тебе-то что мешает? И, знаешь, здесь бывают не только солнечные дни. Все кажется другим, когда дует норд-ост.

Она щелкнула зажигалкой.

– Я устала от Питера. Я устала от работы. Я устала от безденежья. Я устала оттого, что ничего не меняется. Я устала от...

Она замолчала, но Пименову показалось, что он знает, что она хотела сказать.

– Хочешь перемен?

– Да.

– Я не хочу тебя огорчать, но эта затея на 99 и 9.

– Брось, Пима. Если есть хоть один шанс из ста – это уже офигительно! Если не попытаться его использовать, то никогда не узнаешь – был ли он, или тебе просто показалось.

---

⁷ Кабардинка – поселок, находящийся на противоположной от Новороссийска части Цемесской бухты, практически на выходе из нее.

Губатый ничего не ответил. Определенный смысл в ее словах был. Иногда все-таки стоит потратиться на лотерейный билет.

– Держаться надо – если есть за что держаться. А мне там держаться не за что... За свою «хрущобу»? За зарплату провизора? Ты, Леха, когда-нибудь себе колготки штопал?

– Я колготки не ношу, – резонно заметил Пименов.

Он отхлебнул из чашки.

Ну, вот, что называется – почти счастье. Открытое море, бегущее (тут легкое преувеличение!) по волнам судно, красивая женщина в вызывающем наряде, стоящая рядом. И жалующаяся на не сложившуюся жизнь.

Банально, но кофе она варит хороший.

– Иди ты в жопу, со своими шуточками! – прошипела Изотова со злостью. – Моду себе взял, подье...ть! Блядей на Набережной подье...й! Петросян хренов!

– А что, – осведомился Губатый, – я должен был разрыдаться? Не вижу причины. У каждого свои сложности. У тебя была своя дорога, у меня – своя. Или ты думаешь, что у меня после смерти отца все было – зашибись? Падать с высоты – ох, как больно, подружка. Бывшие друзья руки не подают. Те, кто пил да жрал за твой счет, в спину смеются. Тоже, знаешь ли, привыкнуть надо! Ты сюда приехала по надобности? Судьбу ломать? Так ломай, на здоровье! Не жалься. Молодая, здоровая, красивая, столичная! На одноклассниц сходи, посмотри. Я некоторых и не узнал, когда встретился. Старухи! Колготки она штопает...

– Ах, какие мы сильные! Какие мы крутые! Как мы собой гордимся! Лоханку эту на папины деньги купил? Да? Не на свои?

– У меня других не было. Но, поверь, за эти десять лет я ее отработал. Сторицей!

Они помолчали.

– Ладно, – сказала Ленка чуть погодя уже спокойным голосом. – Проехали, господин капитан. Извини, сорвалась. И за лоханку – извини. Хорошо? Ты мне лучше экскурсию проведи!

Пименов кивнул.

– Вот это что? – поинтересовалась Изотова, показывая пальцем. – Никогда не видела! Вот эти два телевизора?

– Это не телевизоры. То, что справа – эхолот. На нем виден рельеф дна, глубины и даже что под нами – камень или песок.

– И мы сможем так найти «Ноту»?

– Не думаю. Это не телекамера. Но найти место, где она предположительно лежит, будет чуть проще.

– А это?

– А это наша карта. GPS⁸. Слышала?

– Не-а. Вот это мы? – догадалась она и ткнула пальцем в экран, в черную точку, за которой тянулся линией длинный хвост.

– Да. А это наш путь из порта. А вот сюда – мы идем. Нас видят спутники.

– Ух, ты! А крупнее – можешь?

Пименов нажал на кнопку.

– И так все побережье? – спросила Изотова с явным восхищением.

– Так весь мир. Достаточно «закачать» карту из Интернета.

– По этой линии всегда можно вернуться домой?

– Точно.

---

⁸ GPS (Global Positioning System) – это спутниковая навигационная система, состоящая из работающих в единой сети 24 спутников, находящихся на 6 орбитах высотой около 17 000 км над поверхностью Земли. Спутники постоянно движутся со скоростью около 3 км/с, совершая два полных оборота вокруг планеты менее чем за 24 часа. На «Тайне» установлен GPS-навигатор – прибор, с помощью которого определяется местоположение судна, использующий для этого спутники.

– И ночью?

– И ночью.

Она склонилась так, чтобы касаться его грудью. Намеренно. Пименов в этом не сомневался.

– Просто идти по линии, назад?

– Да.

– Как по хлебным крошкам?

– Даже проще.

Пименов переложил штурвал на несколько румбов правее, чтобы обойти скальную гряду, тянувшуюся перпендикулярно берегу. Там, где она подходила вплотную к поверхности, образуя банку площадью несколько сот квадратных метров, на воде вскипали буруны. «Тайна» качнулась на волне и пошла резать ее в три четверти, сменив гладкую боковую раскачку на довольно-таки резвый аллюр. Снизу, из каюты, перекрывая бормотание дизеля и ветер, раздался протяжный мучительный стон.

– Он таки испоганит мне каюту, – обреченно сказала Изотова.

– Не думаю, – утешил ее Губатый. – Но проблем будет полно. Палатка у меня есть, можно и на берегу ночевать, но это лишняя головная боль. На судне удобнее, конечно. В тех местах скалы подходят вплотную к воде. Оползни частые – там берег высокий. Если штормит – на берегу не останешься. Не то что палатку, валуны смывает. На Неделю Любви к морю и не подойти было...

При словах о Неделе Любви Ленка посмотрела на Пименова так, как смотрит на мышку кошка, с тем же чувством превосходства и вседозволенности.

Неделей Любви здесь называли первые семь дней августа. В эти дни здесь почти всегда лили проливные дожди, сильно смахивающие на тропические ливни. С гор несло коричнево-желтую грязь, вскипали селевой жижей горные речушки, и море било о скалы гигантскими волнами. Ни купаться, ни загорать в такую погоду отдыхающие, конечно, не могли. Оставалось одно занятие...

Именно в эту неделю много лет назад Пименов и Изотова познакомились поближе.

– Ты помнишь? – сказала она многозначительно.

– Помню, – откликнулся он. – Но что это меняет? Я не это имел в виду, Лена. Я просто сказал о том, что твой супруг будет мучиться ровно столько, сколько мы будем в море. И не факт, что лагерь можно будет разбить на берегу. Он уже «никакой», а нас еще и не болтало по-настоящему. Конечно, посмотрим по глубинам, но кажется мне, что стать на якорь в самой бухте у нас может и не получиться.

– Это его проблема.

– Это будет наша проблема. Нас только трое.

– Ну и что?

– Ничего, – усмехнулся Губатый. – Если бы мы ехали на пикник... Ты с аквалангом ныряла?

– Не-а... – протянула Изотова, закуривая очередную сигарету. Какую уже за сегодня? Десятую, двадцатую? – Но я быстро учусь. Покажешь.

– А он?

– Не смейся. Он и нырять? Разве что в ванной.

– Значит, реально искать «Ноту» смогу я один. И это не радует. Если работать на глубинах до пятнадцати, вы через день худо-бедно сможете, правда, под моим наблюдением, но глубже – уже нет. А если нырять придется глубже сорока, тогда нужен настоящий водолазный костюм и люди на лебедке и компрессоре. Знаешь, Изотова?..

– Что, Пима?

– Это даже не авантюра. Это полное говно.

– Если бы все было легко, то мы не были бы первыми.

– А мы первые? – спросил Губатый. – Откуда это известно? Прошло почти девяносто лет. Ты думаешь, никто не видел этих бумажек в архивах? Ладно, пусть даже так! Вам сказочно повезло! Совпадение – ты находишь бабульку, Олег – документы. Все отлично! Вы вдвоем находите идиота, то есть меня! Но. Есть одно «но»! Какие у нас шторма – тебе рассказывать не надо. Мы еще детьми купались на Шесхарисе⁹ рядом с «Барбариной»¹⁰. Ее вышвырнуло на берег, как хворостинку! И это в бухте. А там, куда мы плывем, – открытое море. Если корму занесло чуть ближе к берегу и она легла метрах на десяти – ее разбило тем же летом и искать там нечего. Если она легла чуть глубже, там, где отметка метров пятьдесят, нужно специальное оборудование. Без него мы ничего не найдем, хоть год будем нырять рядом.

Она отошла и села на край стола, болтая ногой.

– И ты бы не попробовал? Узнал бы то, что я – и не попробовал? Что мы теряем?

– Ну, предположим, в этой истории теряю я.

– Что?

– Время, Изотова. Время и деньги.

Ленка соскочила со стола и подошла к нему вплотную. Он ощутил ее дыхание у себя на шее, потом оно коснулось уха.

– А если я сделаю так, что ты ничего не потеряешь? – сказала она вкрадчиво.

Они были почти одного роста. Изотова разве что чуть-чуть ниже и ее груди коснулись его лопаток, а прохладный живот – спины. Руки ее, мускулистые, с коротко обрезанными ногтями, скользнули под его рубашку, надетую навывпуск, и прошли под поясом холщовых шорт.

– Изотова, – сказал Губатый. – Остынь. Я не хочу неприятностей.

– Я не предлагаю тебе неприятностей. Наоборот, я предлагаю тебе приятности.

– Мне неудобно тебе напоминать, но... Ты помнишь, кто сейчас лежит в каюте?

– Плевать.

– Есть у меня принцип. – Пименов сам удивился, как сдавленно прозвучал его голос. Словно кто-то ухватил его рукой за горло. – Принцип простой: никогда не смешивать работу и удовольствие.

– Да? – спросила Ленка, изобразив голосом невинность и удивление. – И получается?

Ее рука скользнула за пояс шорт и натолкнулась...

А на что, собственно, она еще могла натолкнуться?

– Ого! – произнесла Изотова и гортанно хохотнула. – Не смешивать, говоришь? Ну, ну...

Она отстранилась от Пименова и стала справа от него, рассматривая с иронией и интересом.

– Знаешь, никогда никого не упрасивала! И теперь не буду... Посмотрим, какой ты Сухов! Сколько лет прошло, Пима, а ты все еще на меня стойку делаешь... Может быть, ты и забыл, а вот он – нет. И ему плевать на то, что и с чем ты не смешиваешь...

Губатый молчал. Спорить было глупо. А делать надо было минутой раньше. Теперь уже ситуация требовала держать марку.

«Дурак, – подумал он про себя. – Конченный дурак! Ты никому ничего не должен. В конце концов, ты хозяин судна, и только от тебя сейчас зависит успех дела. Можешь считать ее входящей в плату за участие».

Он переложил руль влево. «Тайна» неторопливо стала бортом к пологой волне, и ритм качки опять сменился. В ответ из кубрика раздался болезненный стон.

---

⁹ Шесхарис – дикий пляж в Новороссийске, расположенный на противоположной от порта стороне Цемесской бухты.

¹⁰ «Барбарина» – судно, выброшенное на берег одним из штормов в 70-е годы прошлого века. Снимать его с мели компания-владелец посчитала нецелесообразным, сухогруз был брошен и его резали на металлолом постепенно, на протяжении многих лет.

– Ладно, – сказала Изотова, не скрывая издевки. – Он страдает. Ты рули. Я пойду на нос, позагораю. Все будут при деле.

Она живо спустилась в каюту, оттуда раздался голос Ельцова, больше похожий на плач. Потом она что-то ему ответила и почти сразу появилась в рубке с полотенцем под мышкой и в солнцезащитных очках.

Одарив Губатого обворожительной усмешкой, она проскользнула по борту на бак и, расстелив полотенце поверх брезента, которым была затянута крышка люка, сбросила с себя и майку, и парео, и трусики.

«Вот черт! – сказал про себя Пименов. – Черт, черт, черт!!!»

Она, конечно, изменилась за эти годы. Он помнил ее совсем молодой девушкой, теперь перед ним была женщина. И надо сказать, красивая женщина. Совершенно без комплексов. Только белая, как молоко.

Оставшись в одних очках, она сложила одежду рядом с полотенцем, подошла к рубке и, приложив палец к губам, поманила Леху, а когда он, словно загипнотизированный, подался вперед, сказала тихонько на ухо:

– Подумай, Пима! – и подмигнула.

«Интересно, насколько меня хватит?» – спросил себя Пименов, наблюдая, как в двух шагах от него и в полутора метрах от своего страдающего морской болезнью мужа Изотова тщательно растирает себя кремом от загара. Процесс был увлекательным, Ленка сумела превратить эту процедуру в подобие стрип-шоу. Закончив растирание, она помахала Губатому рукой и улеглась на полотенце, подставив солнцу пышные ягодички.

«Похоже, что не надолго, – решил Леха. – Ох, ненадолго».

В кубрике жалобно, как ночная птица, застонал Ельцов.

Пименов заставил себя посмотреть на приборы. До бухты оставалось чуть менее двадцати пяти морских миль.

– Смотри, – сказал Ельцов, указывая пальцем на скалу, образующую природный волно-рез. – Совершенно черная скала слева.

– Если это она, – возразил Губатый, рассматривая берег в бинокль.

Он не хотел пока соглашаться с Олегом скорее всего просто из вредности. Скала, огораживающая бухту с северо-востока, была, конечно же, та самая, что присутствовала в описании бабульки. Маленькая Медведь-гора, только медведь на этот раз был черный, как смоль. Какие у нас там медведи черные? Гризли? Или гималайские? Голову этот мишка, как и положено, опустил в воду, метрах в ста шестидесяти от берега. Если судить по цвету воды – возле самой скалы было глубоко. А дальше – дальше была неизвестность. Похоже, что в самой бухте судходство было невозможно – сплошные камни, замшелые, как тысячелетние черепахи, рядом – провалы, заполненные синей, как индиго, водой, тут же желтоватая россыпь галечной мели.

– Это она, – проговорил Ельцов с убеждением. – Тут весь берег рыжий – сланцевые породы, глина, гранитные вкрапления. А эта скала – черная. И здоровая.

Он был бледен, как дизентерийный больной. И хотя он умылся, пахло от него кисло – потом и старой блевотиной.

Солнце клонилось к закату. Воздух был прозрачен, и силуэты сосен, покрывавших вершину обрыва, и тех, что росли на самом обрыве, казались нарисованными кистью художника, тонкими четкими мазками: темно-коричневым и зеленым по светло-коричневому и голубому.

Пименов хмыкнул.

– Может быть, может быть...

– Странушечка говорила, – вступила Изотова, уже одетая в свои велосипедные трусы и майку, – что на вершине обрыва была расщелина, в которой начиналась тропа. Очень крутая.

– И было это в 29-м году, – продолжил Губатый, не отрывая бинокль от глаз. – Какая тропа, Лена? Что от нее осталось за столько лет?

– Расщелина осталась, умник! – огрызнулась Изотова. – Понятно, что тропы нет. Она и тогда была условно проходимая. А разлом в кромке обрыва исчезнуть не должен!

Разлом действительно был, практически над мини-медведем.

В этом месте скала раскололась, часть грунта вместе с несколькими деревьями рухнула в образовавшуюся щель – разлом густо зарос кустарником. В цейсовскую оптику было хорошо видно оранжевую россыпь недозревшего шиповника и черные пятнышки спелой ежевики.

Третья примета – огромный валун, похожий на половинку гигантского глобуса, был не виден, но там, где он, по идее, должен был быть, громоздился оползень, напрочь перегородивший пляж. Из огромной буро-желтой кучи земли и камня, словно сломанные спички, торчали вековые сосны.

Как бы ни хотелось Пименову противоречить и дальше, но казаться смешным в глазах Ленки и Ельцова не хотелось совсем.

– Да, это здесь... – сказал он. – Проверь лодку, Лена. Надо промерять глубину вдоль скалы. Ты как, Олег? Пойдешь со мной?

– Да, – с готовностью откликнулся Ельцов. – Конечно, Леша.

– Оставайся на «Тайне», – отрезала Изотова недовольным тоном. – Толку от тебя.

– А какая разница? – спросил Олег с вполне понятной тоской в голосе. – Тут болтает, там качает...

Ветер действительно начал ощутимо задуть со стороны моря, поменяв направление несколько раньше обычного. И хотя прогноз на неделю был нормальный, Пименов, насмотревшийся, как при вполне нормальных прогнозах штормовое море, внезапно разыгравшись, вышвыривает на берег огромные сухогрузы, напрягся. Но барометр – старинный, голландский, присланный в подарок матерью – показывал «ясно» и падать пока не собирался.

«Тайна» стояла на якоре на глубине в двадцать пять саженей, в четырех кабельтовых от берега, недалеко от обширной банки, перекрывавшей вход в бухту с правой стороны. Место на случай шквала было не так чтобы очень, по идее надо было бы стать подальше, но Пименов не торопился с выбором. Очень уж хотелось отыскать проход вдоль мини-медведя, прикрывающего бухту с самой опасной стороны. Идеальное было бы местечко для стоянки.

– Давайте-ка спустим лодку на воду, – предложил он. – Я промеряю глубины, и если осадка позволит – станем на спокойной воде. И с моря нас видно не будет.

Надувной, четырех с половиной метровый «Адвенчер» с подвесным «Маринером» на пятнадцать сил висел на кран-балке по правому борту. Спустить его на воду было делом нескольких минут.

Губатый прыгнул в лодку, подстыковал к кронштейну экран переносного эхолота, проверил бак и запустил мотор. «Маринер» заработал ровно, наполнив воздух равномерным гудением, словно рядом появился дантист с бормашиной.

– Ну, кто со мной? – спросил Пименов, ухватившись. – Давайте, голубки, решайте...

Изотова перемахнула через леер, как заправский мариман¹¹, ловко сохранила равновесие, но, Леха мог поклясться, намеренно тут же его потеряла, вынудив Губатого подхватить ее под мышки, чтобы она не упала за борт.

Контакт получился плотный, что называется – по всей площади. Изотова ехидненько улыбнулась и аккуратно высвободилась из крепких объятий.

– Спасибо, – сказала она голосом пай-девочки. – Мне куда?

– Садись вперед, – буркнул недовольно Пименов, устраиваясь возле румпеля. – Берешь блокнот и пишешь, что я тебе говорю.

---

¹¹ *Мариман* – жаргонное слово, означающее опытного моряка.

– Уже начинать?

– Не умничай. Запишешь не афоризмы, а результаты промеров. Олег, отвязжи швартовый.

– Понял! – отозвался Ельцов. – Есть, отвязал! Лови веревку, Пима!

– Это называется – конец! – сообщила Изотова, откровенно веселясь. – И надо говорить: лови конец! Или – держи конец! Звучит забавно! Эй, Пима, держи конец!

Прочный капроновый тросик упал в лодку.

Пименов включил передачу, мотор перешел на басовое звучание, и «Адвенчер», пританцовывая на волнах, отвалил от борта «Тайны».

– Класс! – сказала Изотова, оглядываясь по сторонам. – Море, ветер и солнце! Как мне вас не хватало!

За день лежания на солнце (с небольшим перерывом на легкий перекус) она, благодаря крему, не обуглилась, а лишь слегка подрумянилась, как булочка на противне у хорошей хозяйки. Кожа на плечах хоть и подгорела, но не приобрела нездорового красноватого оттенка, лицо словно разгладилось, и на щеках стал виден нежный золотистый пушок, совсем как на коже созревшего персика.

Лодка летела по воде, иногда подпрыгивая настолько высоко, что винт мотора какие-то доли секунды рассекал воздух. Ельцов, стоя у борта «Тайны», помахал им рукой и тут же судорожно ухватился за леера, бот чуть-чуть качнуло. Ленка же, сидящая на носу надувной лодочки, скачущей в облаке брызг, словно резиновый мячик, напротив, была весела и вела себя так, будто всю жизнь провела на корабле, а не прожила последние десять лет у другого моря – мелкого, неторопливого, холодного.

Они подошли вплотную к скале. «Мини-медведь», брюхо которого поросло густыми, как настоящая медвежья шерсть, водорослями и мелкими ракушками, нависал над ними черным, высоким боком. Проход между банкой и скалой был узковат, метров пятнадцать на глаз, но дальше мель резко забирала вправо, открывая синюю глубокую воду.

– Был такой фильм, – внезапно произнесла Изотова, когда Губатый сбавил скорость и мотор перешел с рева на воркование, – «Искатели приключений». Помнишь, Леша? Там еще Делон играет, молоденький совсем. Они там бриллианты в Африке ищут, в море... Девка такая там, длинноволосая, художница...

– Помню.

– Я от него всегда балдела, раз двадцать смотрела в «Клубе Моряков». Пленка старая, царапанная, клееная-переклеенная... Я все время плакала, когда ее убивали. Рыдала, как дура. Она такая красивая, а они вдвоем несут ее на руках – мужчины, которые ее любили, и потом хоронят в море. И когда они отпускали скафандр и он тонул под красивую мелодию – веришь – я ей завидовала.

Ленка вдруг громко расхохоталась, запрокидывая голову на длинной тонкой шее.

– Представляешь – я этой мертвой дуре завидовала! Ее застрелили походя, бессмысленно и утопили тело в вонючем резиновом гондоне со стеклышками, а я, вместо того чтобы завидовать тем, кто взял куш и остался в живых, завидовала курице, которая весь фильм не могла выбрать между двумя мужиками и в результате спала в одиночестве! Не-ве-ро-ят-но!

– Ты изменилась, – произнес он.

Глядя на нее, он испытывал странное чувство – влечение и брезгливость одновременно. Проблема заключалась в том, что влечение было гораздо сильнее и существовало вне зависимости от его мыслей и того, что она говорила. А брезгливость постоянно нуждалась в подпитке, словно пересыхающий источник.

– О да... Я изменилась. Ты даже не представляешь себе, как сильно я изменилась, – сказала она. – И ты изменился. Все изменилось. И в Клубе Моряков уже нет кинотеатра. А история осталась.

– Точно, – ответил Губатый. – История осталась. Я недавно смотрел по кабелю. И ты знаешь – с удовольствием. Хорошая история, про любовь, про дружбу, про чувство долга, про самопожертвование. И еще – про судьбу. Мы с тобой, случаем, не о разных фильмах говорим?

– Каждому – свое, – отрезала она. – Проехали.

– Тогда – записывай.

Он нажал кнопку на портативном GPS, ставя первую метку – хлебную крошку, как сказала Изотова.

– Номер один, – он скосил глаза на экран эхолота. – Пять и восемь метра.

Лодка медленно скользила вдоль скалы.

– Номер два. Шесть и три метра.

По направлению к берегу дно вначале опускалось до отметки в десять и три десятых метра, потом резко шло вверх и выходило на ровное, как стол, плато, усыпанное валунами и осколками скал вплоть до узкой береговой линии.

Галька, покрывавшая весь берег равномерным, разглаженным волнами слоем, была достаточно мелкая и у самого среза, там, где вода лизала пляж, превращалась в подобие каменной перловой каши, не по вкусу, естественно, а по размерам.

Пименов втащил «Адвенчер» на сушу до половины длины. Изотова выскочила из лодки до того, как он успел подать ей руку, и, стоя в воде по колено, с удовольствием ополоснула лицо кристально чистой влагой.

– Ну? – сказала она. – Что будем делать? Искать могилу? Петь песни? Купаться? Или потанцуем?

– Оглядимся.

Скалы с моря не казались настолько высокими. Теперь же, когда они стояли у самого основания уходящей вертикально вверх скалы, стало понятно, что никакой тропы здесь и близко нет. А может быть, и не было уже и в 29-м. Стена, нависающая над ними, явно имела отрицательный угол наклона и была покрыта трещинами, глубоко врезающимися в глубь породы. Теперь стало понятно, отчего случился оползень, скрывший под собой пляж на противоположном конце бухты, и относительная закрытость и недоступность бухты для туристов, которых развелось в округе великое множество. Для того чтобы спуститься сюда с пятидесятиметровой высоты, нужно было иметь, как минимум, специальное снаряжение. Благодаря этой особенности рельефа на скалах не было надписей типа «Киса и Ося были здесь» или «Вася Краснодар 98». От бухты веяло безлюдьем. Это было настолько неожиданно, что даже пугало.

Берег осыпался, а потом море размывало обрушившиеся куски, перемалывало их своими огромными челюстями, обсасывало влажным, хлюпающим ртом. Древесные стволы, упавшие вниз, оно дробило о скалы и выплевывало на берег кусками. Под белым южным солнцем они медленно превращались в сухой плавник, похожий на белесые кости вымерших животных.

А еще – море отрывало на берег мусор, который бросали в него люди. И здесь его было предостаточно, хотя, конечно, поменьше, чем в населенных местах. Разбитые о камни осколки стекла превращались в зеленые округлые «галечки» с матовой шершавой поверхностью, раскисала в кашу порванная в клочья бумага, а вот пластиковые бутылки и обрывки полиэтиленовых пакетов никуда не девались и лежали у кромки воды, словно пена. Здесь, на удалении от людных мест, даже в ясную ночь Дообский маяк казался одной из звезд на небе – эти испражнения человеческой цивилизации выглядели особенно противостоестественно.

Но на берегу не было видно ни следов от костров, ни других признаков того, что тут останавливались люди. И это было хорошо.

Пименов прошелся вдоль скалы, глядя вверх. Ни трещин, ни осыпей не было видно. Хотя, конечно, образоваться они могли мгновенно, и глазом не успеешь моргнуть. Берег был недостаточно широким, чтобы спрятаться от шторма, волны прибоя, перекатившиеся через банку,

смыли бы стоянку и людей в море за считанные секунды. Ночевать на берегу было можно, но только при спокойной воде – шторм в три балла мог стать смертельной угрозой.

– Ну как? – спросила Изотова. – Здесь будет жить наш Робинзон?

– Только если не будет ветра, – ответил Губатый. – Надо поставить «Тайну» вдоль скалы, где поглубже. Там и место тихое, и подхватить его в случае чего можно сразу.

– Классное местечко!

– Да уж... – протянул Пименов. – Местечко действительно неплохое. Пошли, посмотрим, что там слева, ближе к оползню.

– Хочешь поискать валун? – Изотова смешно сощурилась, задвигала бровями, из-за чего очки на носу заерзали вверх и вниз. – Возле которого похоронили Чердынцева?

– Что-то сомнительно мне, – признался Пименов, – что мы валун найдем. Смотри, сколько земли съехало в море! Но ошибки быть не может, могила там. Это она – бухта, где утонула «Нота», если ваши бумажки не врут.

– А если наши бумажки не врут, что мы делаем дальше?

Они брели по берегу, направляясь к оползню по самой кромке прозрачной, как стекло, воды.

– Дальше? Дальше я начну обследовать акваторию, – отозвался Губатый. – И учить вас нырять понемногу. Потому что один я не справлюсь до скончания века. И еще – мы должны детально поработать с картой, с рисунком этого матроса, со свидетельскими показаниями. Привязаться к месту. Тут очень сложное дно, и любая подробность, уточняющая точку крушения, будет нам в помощь.

– А что, если бумажки врут? – спросила она, останавливаясь.

– Тогда, – Пименов пожал плечами, – тогда я угроблю сезон, перезимую, а следующим летом снова буду возить отдыхающих рыбачить...

– И никогда сюда не вернешься?

Пименов улыбнулся и покачал головой.

– Под Балаклавой искали «Принца» – военный английский пароход с грузом золота, затонувший еще в середине XIX века. Искали не один год, и не один раз организовывали экспедиции. Контору целую – ЭПРОН – чекисты создали под эту лавочку. Все хотелось новым хозяевам старое золотишко найти. Подняли со дна моря разной всячины – на миллионы золотых рублей. У нас в Цемесской со дна потопшие корабли поднимали. И на Черном, и на Балтийском, и на Северном – везде шарили. Даже карты составляли – где и что лежит, да на каких глубинах. Я к тому рассказываю, Лена, что историй слышал массу, от серьезных людей слышал – не было на памяти тех, с кем я говорил, таких находок. Так что как начали нырять в двадцатые под Севастополем, так и сейчас ныряют – сокровище ищут. Так оно было, я в том уверен и документов со свидетельскими показаниями в руках передержал – массу. Не глупее нас люди были, а экипированы гораздо лучше... Но «Принца» не отыскивали и золота не обнаружили.

– Это ты мне пуговицу ко лбу пришиваешь? Чтобы я губу не раскатывала?

– А понимай, как знаешь... – отмахнулся Леха. – Изотова, скажу тебе честно, приедь ко мне Ельцов в одиночку – был бы напоен водкой до усирачки и выгнан нах... Вместе с идеей. Это занятие для тех, у кого другого дела нет.

– Значит, ты поехал из-за меня? – переспросила Изотова. – Лестно! Я горжусь тобой! И деньги тут ни при чем?

– Да не будет там денег, – буркнул Губатый мрачно. – И не из-за тебя я поехал.

– Неужели из-за Ельцова? – хохотнула она. – Пима, ты меня пугаешь!

– Не будь душой, – огрызнулся беззлобно Пименов. – Все проще. Лотерейный билет, как ты говоришь... Я его купил. Шанс, о котором потом будешь жалеть всю жизнь. Его надо брать, этот шанс, потому что такое предлагают только несколько раз в жизни.

Они подошли к самому оползню: рыжая глина, пластинки слюды, сланец, ствол дерева... Сосны или, скорее, как определил Губатый, пихты со светлой, золотисто-коричневой корой, торчащий из завала. Еще валуны, осколки скал, ветки...

– Чаще всего, – сказала Изотова совершенно серьезно, – такой шанс дают только один раз. Или вообще не дают никогда. Я это знаю точно, на собственном опыте. Говно жрать – это сколько угодно – налетайте, дорогие, кушайте – хоть каждый день! А вот так, чтобы круто все переменить! Чтобы сразу на 180 – из грязи да в дамки – не доводилось. У меня это первый случай. У Кузи – тоже. Так что – будь что будет, но попробовать надо! Тут я тебя понимаю.

– Я сам себя не понимаю, – буркнул Пименов, рассматривая завал.

Если описанный матросом валун и был здесь, то убедиться в его наличии можно было при помощи пары экскаваторов и бульдозера. Такой техники в распоряжении Пименова не было. Значит, могиле отважного исследователя предстояло остаться погребенной под толщей камня и земли.

Оползень сошел давно – точно Губатый определить бы не смог, но то, что случилось это лет тридцать назад, а то и больше – можно было поручиться. Нижние слои слежались до полного окаменения, скальные обломки море заполировало до потери угловатости, а вот сверху грунт был сравнительно свежим, и дерево еще хранило золотистые оттенки жизни, не превратившись в солоно-белый, грязный плавник.

Склон жил своей жизнью – проседал, обрушивался, рыдал камнепадами и ночевать здесь, особенно в этой части прибрежной полосы, было безрассудством.

– Ну и? – спросила Изотова. – Чего стоим? Чего ждем?

– У моря погоды. Стоянку сделаем на берегу, но с той стороны, – он махнул рукой в направлении, откуда они только что пришли. – Так даже удобнее. «Тайну» поставим в проходе, кормой к берегу, на случай, ежели задует по-настоящему. Для твоего супруга и для тебя поставим палатку. Я останусь на судне.

– У меня нет морской болезни.

– Я заметил.

– Я не хочу спать в палатке. Терпеть не могу!

– Ну, мое дело предложить, – сказал Пименов, пожимая плечами. – Сами разберетесь. Что-то мне сомнительно, что Олег оставит тебя на борту, еще и со мной наедине. Он, кстати, знает о том, что мы с тобой спали?

Они пошли обратно, и Губатый считал про себя шаги – по десятку. Это было просто – держать ритм.

– Знает, – ответила Изотова. – Конечно. Он и тогда знал. Все порывался тебе в морду дать, да все не складывалось. То возможности не было, то настроения... То ты под руку не попадался. Ну, знаешь, как бывает?

Она приостановилась и, приставив ко лбу ладошку «козырьком», оглядела горизонт: со стороны Туапсе к Новороссийску шел контейнеровоз. Его силуэт был прорисован на фоне синего неба четко, как в старой игре «Морской бой» – когда-то в Клубе Моряков стоял такой автомат. За пятнадцать копеек можно было потопить десяток кораблей.

– Тогда он меня ревновал... – продолжила Ленка.

– А сейчас не ревнует?

– Как сказать... Ревнует, наверное. Только я об этом не знаю.

– Не говорит?

– Не-а. Не говорит. А говорил бы – я бы все равно не знала.

– Не понял?

– А что тут понимать? Да плевать мне на это. Ревнует не ревнует – его вопрос. Правды Ельцов все равно не говорит никогда. Не его стиль.

– Так даже? Между собой вы сами разберетесь. А вот наш договор?

Она рассмеялась.

– Ну, так за его выполнением будешь следить ты! Чего опасаться?! А ты, Пима? Ты всегда говоришь правду?

Пименов на мгновение задумался.

– Наверное, нет. А вот в основном – да. Когда у меня нет причин для того, чтобы врать.

– Ох, и заливаешь же! Как может у человека не быть причин для вранья? А своему налоговому инспектору?

Губатый вполне искренне удивился.

– А ему-то зачем? Я ему денег дал – и все. Дальше мы с ним против государства. Он сам все сделает – в его же интересах, чтобы я доился постоянно.

– А жене?

– Лена, – сказал Пименов с укоризной, – ты же знаешь, что у меня нет жены!

– Ладно, замяли.

– Замяли, так замяли... Я только одного не пойму – зачем ты об Олеге плохо говоришь? Он твой муж, в конце концов... Вы оба мои партнеры. А ты предупреждаешь, что Ельцову верить – себе дороже. Кто я тебе? Да никто!

На глаз они прошли половину бухты – по счету тридцать пять десятков шагов.

– Никто, – подтвердила она. – Временный попутчик. Приятное воспоминание. Что тебе от моих разговоров? Ты же не замыслишь против него чего-нибудь плохого?

– Я? – переспросил Губатый удивленно. – Слушай, Изотова, это не пиратский роман. Это деловое предприятие, не более.

– Точно, – съехидничала Ленка. – Как это я раньше не догадалась! У нас же артель! «Китайский жемчуг» называется! Слушай, неужели ты изменился, Леша?! Да тот Пименов, которого я знала, уже бы трахнул меня там, в рубке, раза три, как минимум, и выкинул бы Кузю за борт кормить рыбок. И при этом ни на минуту не угрызался бы муками совести!

– Ты меня ни с кем не путаешь?

– Я? Путаю? – она даже рассмеялась. – Люди не меняются, Пименов. Ты был циничный и жадный к жизни тип. Воспитание у тебя было такое. И я думаю, что таким же и остался, как бы ты ни изображал из себя целку.

– Спорить не буду, – сказал Губатый. – Уж целкой меня назвать никак нельзя. Но выбрасывать кого-то за борт, чтобы переспать с тобой, вовсе необязательно. Хотя я и не пылаю нежными чувствами к Ельцову, это не значит, что я хочу его утопить. Давай не будем обострять отношения, Лена. Есть дело, его надо сделать. Прошлого не воротишь, да и что надо воротить, я, честно говоря, не пойму. Был ли мальчик, Изотова? А может, никакого мальчика и не было?

– Ты о чем? – переспросила Изотова с недоумением. – Какой мальчик? У нас с тобой, что ли?

– Проехали, – улыбка у Губатого получилась кривоватая. – Конечно, Лена, у нас с тобой никакого мальчика не было.

– А... – протянула она. – Что-то я тебя, Пименов, не пойму. Ты, часом, головой не бился? Странное у нас с тобой положение получается. Ты на меня только глянешь – у тебя уже все, как минарет – небо подпирает. А как до дела – ты в кусты. Обет давал, что ли? Или своему счастью не веришь? Ну, дело, конечно, твое. А мне нравится, как ты на меня смотришь! Знаешь, как в молодости, когда нельзя, но хочется так, что зубы сводит. Спорим, что не выдержишь, а, Пима? Ну, не такой ты железный, как хочешь показать...

Губатый пожал плечами.

– Время покажет...

И время показало, что железобетонных людей нет. В особенности, когда тебя намеренно дразнят. На исходе недели Пименов, глядя на аппетитный зад Изотовой, возлагающей на люке,

мысленно материл себя последними словами – и за то, что ввязался в это безнадежное, как теперь казалось, дело, и за то, что вовремя не поддался соблазну.

Отношения между Ельцовым и Ленкой были достаточно странными. В них не было ни нежности особой, ни заметной привязанности. Была, правда, некоторая чувственность, но назвать ее таковой язык не поворачивался.

Ельцов не смог спать на судне. Если днем, занимаясь работой, он еще как-то отвлекался от мучительных, выворачивающих желудок наизнанку, симптомов морской болезни, то ночью уже страдал на полную катушку. Они даже ужинали на берегу – готовить приходилось на походной газовой горелке со сменными баллонами, а потом Губатый заводил мотор и отправлялся ночевать на «Тайну».

Над бухтой светила круглая, как сыр, луна. На воде лежала дорожка из мерцающего неверного света. Шуршали, набегая на берег, волны, и горьковатый запах водорослей, напоминающий запах разгоряченного женского тела, вился над качающимся, словно колыбель, кораблем.

Слышимость ночью была такая, словно палатка стояла не в полусотне метров, а прямо на баке. Звуки любовных игривых побронзовевшей от августовского жаркого солнца парочки не давали Пименову уснуть далеко за полночь. Изотова и в молодости была шумной во время любви, а тут, наверняка зная, что Губатый может расслышать все, кроме тихого шепота, расстаралась вовсю. Плохо было то, что Леха был человеком, не лишенным воображения, и мог в деталях представить себе все происходящее в палатке, тем более что звуки давали об этом вполне достаточное представление.

Ленка исполняла такое, что струнный квартет умер бы от зависти. Ельцов был на подпевках, но именно его хриплые стоны заставляли Губатого грызть губы от ярости и задыхаться от распирающей его зависти. Иногда Ленка устраивала показательные купания в костюме русалки сразу после ночного концерта, и каждый божий день утром она все хорошела, напиваясь солнечным светом и морской силой, а может быть, это просто казалось измученному желаниями Пименову. Во всяком случае, зябкая питерская бледность ушла с ее лица, тело стало кофейным от здорового загара. Брови и волосы выгорели, Ленка окрепла и подтянулась, и в ней более не угадывался анемичный столичный житель.

Ельцов тоже изменился в лучшую сторону, но к исходу дня Губатый с удовольствием, которому сам удивлялся, видел, что морская болезнь одолевает Олега с новой силой и выбеливает его щеки, покрывшиеся редковатой щетинкой.

Изотова училась погружаться с энтузиазмом новичка, быстро ухватывала приемы и тонкости водолазного мастерства и на третий день уже плавала на десятиметровой глубине совершенно свободно. Она любила море, и море любило ее – такие вещи Пименов чувствовал кожей. В противном случае он бы не дал ей такой свободы под водой. Сказывался опыт – через его руки прошло столько начинающих, что Губатый вполне мог доверять своей интуиции.

Ельцов подобного рвения не выказывал, но азы освоил быстро, и для работы на подхвате вполне годился, правда, Пименов ощущал, что Олег погружений побаивается и, каждый раз входя в воду, заставляет себя выглядеть беззаботным. В его шутках чувствовалась некоторая натужность, попытка скрыть то, что ныряние удовольствия ему не доставляет.

За пять дней они обследовали совсем небольшой кусок дна.

Лоция не врала: рельеф здесь был сложным – перепады глубин, свалы, большое количество острых обломков скал, о которые порвать костюм было – раз плюнуть. А нырять без костюма было холодно и опасно. Те скудные сведения, которые они могли почерпнуть из имеющихся в наличии документов, не могли сузить район поиска. Составленная с помощью эхолота точная карта глубин тоже не обнадеживала. Было, по крайней мере, три перспективных участка, которые лежали на глубине более пятидесяти метров – фактически недоступные для них из-за отсутствия специального оборудования. На «Тайне» был скафандр для глубокого

погружения, но удовольствие от спуска на дно в этой банке для консервов Пименов решил оставить на последний момент.

Скалы под водой были живописны чрезвычайно. Гряда, начинавшаяся сразу же за скалой, ограничивающей бухту слева, постепенно уходила вниз – туда, где солнечный свет мерк, и в сгущающейся тьме сновали серебристыми торпедами головастые кефали. Вода была прозрачной – здесь практически не попадался песок. Только камни громоздились друг на друга – огромные и маленькие, обросшие коричневато-зелеными водорослями и скользким морским мхом.

После провала дно опять поднималось, но уже в двух кабельтовых от береговой линии, и, если судить по свидетельствам выживших, трагедия произошла где-то здесь. «Нота» шла от мыса Дооб, погасив огни, и держалась берега – летние ночи в этих краях светлые, особенно в полнолуние, и шкипер не хотел стать легкой добычей.

Лоция тех лет, а Ельцов не поленился скопировать архивный экземпляр Адмиралтейства, была не столь подробной, как нынешняя, но достаточно достоверной. Глубины в основном соответствовали тем, что были нанесены на карту, берег же, что вполне естественно, за это время существенно изменился.

Склонившись над картой, Пименов старался представить себе, какой курс прокладывал капитан пакетбота в тот роковой вечер. Какой бы курс проложил он сам? По всему выходило, что капитану «Ноты» нужно было блюсти золотую середину: от берега не удаляться, чтобы сохранить относительную скрытность передвижения, но к берегу и не приближаться – налететь на каменную банку означало потерять корабль.

Сам бы он – Губатый прикинул размеры «Ноты», ее осадку – пошел бы так. Его рука прочертила возможную траекторию и замерла под недоуменными взглядами соратников. Но капитан был профессионал, мореплаватель, военный... А он, Леха Пименов – никто. Самоучка, купивший права на вождение судна через барыг, учивший правила навигации у себя на диване, в родительской квартире, а не в морской школе. Уж больно разные могут быть подходы!

Но логика должна быть одна – это Губатый понимал четко. Пусть и без специального образования, но зато с десятью годами опыта за спиной он был готов поручиться, что шкипер вел судно так или почти так, как предполагалось.

– Вот тут, если описание не врет и я правильно представил себе их курс в эту ночь.

Он очертил на карте неровный кружок.

– Только, чтобы все понимали – тут ошибка в половину сантиметра даст результат метров четыреста на натуре. Это большой кусок дна даже для настоящей исследовательской экспедиции, а уж для нас – так просто фантастика.

– Мы все это время искали не в том месте? – спросил Ельцов.

Выражение лица у него было, как у мальчугана, у которого злые дядьки отобрали совочек.

– Мы учились нырять, – терпеливо объяснил Пименов. – Не для сертификата, для себя. Чтобы не сдохнуть там, – Губатый резко тыкнул пальцем вниз, в днище. – А там сдохнуть – это как два пальца об асфальт! Я не об этом говорю, а о целесообразности всего проекта. Повторяю, для того чтобы что-то найти, надо перелопатить такую территорию...

– Ты это уже говорил, – перебила его Изотова. – На сколько у нас хватит продуктов?

– Еще на неделю, если не ловить рыбу.

– А если ловить?

Пименов усмехнулся.

– Ну, тогда в зависимости от того, сколько поймает. И когда вам от рыбы станет тошно.

– Не волнуйся, – сказал Ельцов. – За те бабки, что мы можем отхватить, я не только рыбу – водоросли жрать буду!

– Сухари, пищевые концентраты, соль, сахар, специи у нас есть. Воды еще в достатке, и в бухте есть источник. Чай, кофе, консервы... – перечислил Губатый. – Вот как у вас с сигаретами – не знаю...

– Меньше будем курить, – отрезала Ленка. – Я за то, чтобы оставаться, без заходов в порт.

– Логично, – поддержал ее Пименов. – Пока нам везло с погодой, но в конце августа могут быть шторма.

Ельцов кивнул.

– Я тоже – за.

– Тогда решено, – произнес Пименов, поднимаясь. – Олег, займись рыбалкой. Самодур в рундучке, на юте. Налови мелочи на уху. Мы с Леной отметим на GPS зону поиска и промеряем глубины. Потом я погружусь для пробы.

– Оставляете меня дежурным по камбузу? – сказал Ельцов дружелюбно. – Я как рыбак – не очень.

– Ты и как аквалангист не очень, – съехидничала Изотова. – Так что давай – лови рыбу.

Прозвучало это грубовато, но неловкость почему-то почувствовал Губатый. Наверное, из-за свойственного всем мужикам чувства солидарности. Чувство это было только от сердца, а потому глупым. Достоин или недостоин брат по полу заступничества – в такие моменты почему-то не волновало.

– Ладно. Ты попробуй, потренируйся, всему можно научиться. А я вечером нырну, поохочусь. Завтра поставим снасть на катрана. А то осточертело консервы жрать, а мясо в морозилке – все-таки не свежая рыба.

Ельцов кивнул и побрел к рундуку на корме за снастью. Выглядел он точь-в-точь, как ослик Иа – для полного соответствия не хватало только хвоста с бантиком и грустно свисающих ушей. Впрочем, все это легко можно было представить.

А Изотова, в облегающей футболке и своих излюбленных красных трусиках исчезающего размера, уже волокла к лодке заправленные баллоны с воздухом. Мышцы под гладкой кожей кофейного цвета вздувались и перекачивались, выступивший пот придавал телу легкий блеск, а запах, который уловили ноздри Губатого, когда она прошла мимо него, практически коснувшись плечом, был сладок и приятен. Так пахнет только тело женщины, которую ты хочешь.

Он зашел в рубку за регулятором и консолью – это оборудование он в прокат не сдавал. Это было его собственное, купленное у моряков с танкера «Бургас», естественно, провезенное контрабандой, – новое, «Scuba Pro»¹² практически последней модели. Для Ленки он захватил облюбованный ею комплект – из прокатных, но вполне приличный, не затертый и не обшлюнженный до неузнаваемости.

– Костюмы брать? – спросила Изотова, заглядывая в рубку.

Губатый кивнул головой.

Вода была теплой – градуса 24 у поверхности, если не врал температурный датчик. Глубже, естественно, было холоднее, и надо было одеваться. На глубины ниже 10 метров он опускаться не планировал, а если и понадобится – то только в одиночку. Но здесь не Египет – и на десяти метрах можно окоченеть. И для работы (а она в основном будет завтра) после промеров и подготовки, после того, как он нанесет координаты на карту и разобьет участок на квадраты, костюмы придется надеть.

Солнце уже перевалило зенит, когда они отметили на GPS основные точки, ограничивающие участок поиска. С одной стороны он заканчивался длинной каменной грядой из крупных, как слябы, валунов, начинавшейся у самой банки и уходившей на северо-запад, в неизвестные морские глубины.

---

¹² «Scuba Pro» – марка профессионального оборудования и компьютерной консоли для погружений.

А глубины притаились тут же, сразу за валунами – здесь эхолот показывал от семи с небольшим метров до добрых пятидесяти. А свал, с которого ползла вниз гряда, тянулся метров на триста – триста пятьдесят в море, до глубины в шестьдесят два метра.

Вообще мест с такими ямами на участке было три – замучаешься нырять. И только с северо-востока тянулось уже обследованное ровное каменное дно, усыпанное крупной, серо-белой галькой, на котором можно было разгуливать, как по бульвару, и дырчатая банка в середине бухты, на которой можно было купаться, ловить рыбу, загорать на крупных мшистых валунах, торчащих из воды, и ничего не разыскивать.

На этом приятности заканчивались. А начинались суровые будни кладоискателей, которые во всех странах считаются людьми, может быть, и не без изюминки в характере, но явно без царя в голове.

Треть участка, на котором могла затонуть «Нота» и который Губатый вчера так легко очертил на карте, лежала на глубинах от 20 до 40 метров, треть на пару десятков метров глубже, а еще треть была сравнительно мелководной.

Естественно, на мелководье ловить было нечего – разве что крупного лупоглазого бычка, кефальку и стайки осторожной султанки. Самое интересное располагалось там, где прозрачная вода, только что осветленная ярким солнцем до полной бесцветности, как блондинка пергидролем, вдруг приобретала густой синий оттенок, становилась холодной и недружелюбной. Или еще ниже, в темных провалах, из которых взлетали к свету серебристые веретена лобанов¹³.

Неутешительная, надо сказать, получалась картина. Хороший, укомплектованный экипажем водолазный бот, судно технической поддержки со всеми этими новомодными примочками – сонары, радары, автоматические телекамеры плюс три недели времени, – и на дне не осталось бы даже ржавой банки, которая не была бы нанесена на карту. А с его, с позволения сказать, экипажем...

Кусто обрыдался бы...

М-да... Задача, однако. Это ж какую удачу надо иметь, просто несказанную... А если море разыграется? Об этом и думать не хотелось. Хотя – было бы не так обидно. В шторм и туристов не повозишь, и дайверы бухают в гостинице, как обычные курортники, – прибыли никакой, одни огорчения, но зато у всех. А что может радовать теряющего деньги бизнесмена? Естественно, несчастья конкурентов!

К двум часам, когда солнце палило, словно в Эль-Рияде, и казалось, еще чуть-чуть, и пластик на бортах лодки пойдет пузырями, на карту легла достаточно частая координатная сетка, охватившая половину вод бухты и изрядную часть акватории за ее пределами. Изотова за все время работы «подколола» его только пару раз – ей было не до того. Она писала на планшете цифры, как образцовый секретарь, и Пименов с невольным уважением отметил, что работать она-таки умеет – не отвлекаясь на личное и мелочи. И в общем-то все эти пять дней так и работала. А что поддразнивала... Ну, так это чисто женское, от обиды, что не набросился, когда предлагали, и еще – от сознания собственной привлекательности.

Когда они перебирались с «надувнушки» на борт «Тайны», Пименов обратил внимание, что солнце сожгло Ленке колени – пусть не сильно, все-таки загар на коже уже был, да и тетрадкой она прикрывалась, но все-таки достаточно, чтобы к вечеру гарантированно иметь неприятные ощущения. Август в этих краях был жестоким месяцем. Дожди – так дожди. Ветер – так ветер. Солнце – так солнце.

Губатый посмотрел на термометр – тридцать четыре в тени. На солнце было за сорок, просто они, раскатывая с ветерком по воде, этого не чувствовали.

– Болит? – спросил он, заметив, что Ленка рассматривает собственные красные коленки.

---

¹³ Лобан (жарг.) – морская кефаль.

– Пока нет. Да ладно... У меня крем есть, намажу... Во, блин, точно как печеная картошка! Эй, рыбак! Как там дела? – крикнула она, обращаясь к Ельцову. – Мы сегодня голодаем? Или есть что-нибудь?

Олег ловил рыбу с борта, укрывшись в тени надстройки – тут даже было прохладно, если сравнивать с солнечной стороной, разумеется. В ведре плавало десятка два ставридок, несколько несъедобных зеленух и две барабульки.

Глаза у Ельцова пылали гордостью – прямо-таки добытчик, охотник на мамонтов. Пименов не стал его разочаровывать – чем бы дитя ни тешилось, лишь бы на водку не просило. Тем более что на рыбный суп содержимого ведра хватало вполне.

– Отлично, – похвалил он Олега, вылавливая в ведре и отправляя за борт зеленушек – всех, кроме одной, необходимой для наживки. – Просто молодчина. Еще полчаса – и мы такой обед зафигачим! Ты вот ее нарежь, пожалуйста, на кусочки, – он сунул Ельцову в руки скользкое рыбе тельце, – а я мигом...

Он помог Изотовой поставить баллоны в гнезда возле компрессора, окунулся, прыгнув с кормы в теплую, но все-таки освежающую воду, проплыл резво метров тридцать, вернулся, уже не торопясь, размеренными «саженками» и вскарабкался на борт по короткому штормтрапу.

Пока он вытирался, Изотова рассматривала его, дымя очередной сигаретой.

Губатый стеснялся своих шрамов, но от ее насмешливого и одновременно жадного взгляда стеснение куда-то делось. Хочется смотреть – пусть себе смотрит. Если не считать нескольких рубцов и множества мелких засечек, оставленных катастрофой, тело у Пименова было совсем даже ничего. Да, ростом он не вышел, но и не коротышка – так, середнячок. Ноги кривые – так для мужчины это достоинство, особенно для моряка – на кривых ногах во время качки сподручнее. Кто в море ходил, тот знает. Зато ни грамма жира, загар очень темного цвета – такой дают только морские ветра и солнце за многие месяцы, крепкие мышцы, привыкшие к труду. А шрамы... Что шрамы? Куда от них денешься?

От соленой воды волосы у Пименова стали жесткими и «засахарились» – он потер их полотенцем и, покачив головой, принял решение редкую растительность сбрить напрочь, прямо сегодня, до вечера. Пока – до конца сезона, а там – видно будет.

– Да, Леша, – протянула Ленка с улыбкой, – в сравнении с Кузей так ты у нас просто Аполлон.

– Бельведерский, – отозвался Пименов. – Брось, Изотова. Твоего Ельцова на месяц в море – сама его не узнаешь. Вот увидишь, окрепнет, окаменеет...

Ленка хохотнула.

– Последнее – радует. Это...

Она сделала шаг вперед и коснулась рукой шрама на Лехиной груди – длинного, похожего на витой шнур от аксельбанта. Этот разрез сделали тогда, в ночь после аварии, когда пожилой хирург с киношной фамилией Сапрыкин, удалял ему сломанное в нескольких местах ребро, осколки которого пробили легкое. Разрез тянулся от грудины, через бок – на спину, словно след от бича.

– Это тогда?..

– Ага, – отозвался он. – Тогда. Когда тебе мать писала.

Пальцы у нее были легкими, как дуновение ветра. И прохладными, несмотря на то, что он только сейчас вышел из воды.

– Этот тоже?

Сапрыкин был мастер на все руки и собрал ключицу из фрагментов – от нее и остались только фрагменты. Вылетая из машины через лобовое стекло, Пименов ударился ею о стойку. Попади он в стойку головой – и по кусочкам собирали бы череп.

– Да. И те, что на ноге, – там спицы стояли. А мелкие – это стекла. У меня кое-где под кожей еще остались.

Он набросил футболку, которая сразу прилипла к влажному телу.

– Что, впечатляет?

– Не поверишь... – сказала Изотова. – Нравится... Очень даже возбуждает. Я, наверное, извращенка.

Она даже облизнулась, словно кошка, учуявшая запах «вискаса», совершенно откровенно глядя ему в глаза.

Губатый покосился на видимую через рубку, на просвет, согбенную спину Ельцова, кромсающего на наживку несчастную «зеленушку», и сказал, кривя рот:

– А меня, знаешь, не возбуждает. Я чуть не сдох тогда.

– Но не сдох же? – спросила Изотова с насмешкой. – Жив, курилка? И очень даже неплохо выглядишь. Мне, во всяком случае, нравишься.

– Рад за себя, – отрезал Пименов, борясь с желанием «завалить» Изотову прямо здесь, на досках палубы, горячих, выскобленных до белизны, пропитанных морской солью. – Остынь, Ленка. Колени смажь, переоденься...

– Готово! – прокричал Ельцов, оглядываясь. – Настругал я ее, Пима...

– Вот видишь, – проговорил Губатый уже мягче, стараясь загладить собственную грубость, причина которой, впрочем, была вполне очевидна. – Кузя уже и наживку приготовил! Чего нам друг другу голову-то морочить? Как ты вообще себе это представляешь? Лямур а труа?¹⁴

Изотова молчала, не сводя с него насмешливых глаз. Потом отработанным щелчком пальцев отправила за борт окурков сигареты и, ничего не ответив, скрылась в рубке, качнув тугими, округлыми бедрами.

Бычок, конечно, лучше клюет на мясо с «душком», но здешний был не балован, и они с Ельцовым в две руки минут за десять надергали штук пятнадцать. Рыба шла калиброванная, в полторы ладони – черный, с серыми пятнышками «каменный» бычок. Олег радовался улову, как ребенок, – даже морская болезнь отступила. Да и откуда ей было взяться, морской болезни – море было гладким, как стекло, и солнечный свет растекался по нему серебряным расплавом.

Они пообедали на палубе – в тени.

Жареная рыба и рыбный суп, сладкие, как мед, краснодарские помидоры, белый, нарезанный крупными кольцами лук, огурцы, присыпанные крупной солью. Вот только вместо хлеба приходилось довольствоваться сухарями, но это неудобство аппетит не портило. Холодильники пока работали исправно, а ежели даже выйдут из строя, ничего революционного: есть еще консервы, крупы и рыба в бухте.

На закуску был арбуз – сладкий, полосатый, с алой мякотью и черными, гладкими, как агаты, косточками. За импровизированным столом царило какое-то странное возбуждение – такое случается в ожидании чего-то хорошего, когда кажется, что вот, еще чуть-чуть, и наступит счастье, прилетит вдруг волшебник на вертолете цвета мечты... А он все не прилетает и не прилетает, и те, кто ждет, начинают видеть смысл не в чуде, а в самом процессе ожидания и даже в том, что долгожданное чудо так никогда и не придет.

Все трое говорили ни о чем, шутили, хохотали – хотя причин для веселья, собственно, и не было. Просто не было причин огорчаться – и этого оказалось вполне достаточно. Ельцов смеялся странно, хихикая и мелко вздрагивая плечами, прикрывая свободной ладонью рот – его улыбку уродовал порченный передний зуб. Изотова, смеясь, запрокидывала назад голову, и бархатистый сок стекал по ее подбородку и дальше по тонкой длинной шее – на грудь.

Губатый поймал себя на том, что откровенно любит ее: нарочитой неряшливостью, которая делала Ленку еще аппетитнее, жадностью, с которой ее зубы впиваются в толсто наре-

---

¹⁴ Любовь втроем.

занные арбузные ломти. Стекающий сок оставлял на коже влажные следы, и Леа много бы отдал за то, чтобы медленно, со вкусом их слизнуть. У него даже перехватило дыхание от острого, совершенно необъяснимого чувства нежности, настигшего его совершенно внезапно. Это чувство налетело, как порыв ветра во время полного штиля, Пименова обдало им с головы до ног и тут же исчезло, оставив ощущение холода на коже и под ложечкой.

Напротив него сидела молодая, красивая женщина, совершенно ему чужая, непонятная и малознакомая. То, что его память сохранила пряный запах ее плоти, не делало ее ближе. Между ними выжженной землей лежало более десяти лет разлуки, вместивших в себя и чужой, дождливый город, беспощадный и надменный...

...и черные следы резины на асфальте...

...и штопанные чулки...

...и вкус вчерашней блевотины в пересохшем рту...

...и торопливый, словно кроличья случка, секс в холодном подъезде со стрельчатыми окнами, секс за деньги, за смятые, мокрые, как использованный презерватив, рубли...

...и одуряющую головную боль, спасение от которой только в запотевшей бутылке, стоящей в холодильнике, а до нее никак не дойти...

...и...и...и...

«Мало ли что похоронили в себе эти годы? – рассудочно отметил Пименов про себя. – Жизнь целую похоронили. Надежды, разочарования, стремления, ошибки, мысли о самоубийстве, тяжкий, как пытка, ежедневный порыв – выпить... Да что тут говорить! Столько всего намешано! И для чего? – и сам ответил себе, неожиданно жестко, но правдиво, ведь самому себе лгать бессмысленно. – Для того чтобы вспомнить ту летнюю ночь на озере, ее глубокие, как омуты, глаза, пульсирующую жилку на шее, дрожь бедер, влажное объятие плоти и блеск повлажневшей кожи в свете полной, бело-голубой луны».

Потом щелчок ножниц, падающие в корзинку волнами куски пленки – секунды. Часы, дни, годы... Пленка встык – резкий запах клея на ацетоне, секундное ожидание – фильм идет дальше.

И снова она, сидящая напротив: другая, чужая, но та же, что и тем далеким летом, только старше, и вместо лунного света – потеки сока арбуза на загорелой шее, хрипловатый смех, тонкие сильные руки, покрытые легким золотистым пушком...

«Приди в себя, – сказал себе Губатый. – Ты же не сопливый пацан, тебе тридцать. У тебя есть все, что надо: дело, которое приносит тебе бабки и которое ты в общем-то любишь. Дом, куда ты можешь вернуться в любой момент. Партнеры и приятели, уважение которых ты заслужил «с нуля», потому что то, чем ты был раньше, никто не смог бы уважать ни при каких обстоятельствах. Да, семьи у тебя нет, но это и не беда, если подумать. Или, скажем так, несчастье, с которым вполне можно смириться. В конце концов она у меня в будущем – эта самая семья, никуда не убежит».

Он уже сделал одну глупость, согласившись погнаться за Синей птицей. Но человек, ни разу не делавший глупостей преднамеренно, зря прожил жизнь. Это будет прекрасный отпуск посреди напряженного сезона, внезапный, разорительный, но до одури романтичный. В этом отпуске будет все: несуществующее сокровище, настоящее море, женщина, пришедшая из прошлого, желания, не имеющие будущего, и острый привкус исчезающей навсегда молодости, сдобренный йодистым запахом сохнувших на берегу водорослей.

Или же...

Или же будет большее. Для этого надо всего-навсего сказать себе – да.

Он усмехнулся и встал.

Солнце, перевалив зенит, начало спуск на запад, но лучи его все еще были горячи и беспощадны. Термометр показывал тридцать. Со стороны моря начал задуть пока еще легкий, горячий ветерок, и по воде сразу же побежала легкая рябь.

«Судно начнет качать, – подумал Губатый с вполне объяснимым злорадством, – и Ельцову боком выйдет сытный обед!»

От таких мыслей Пименову стало стыдно, и он решил при первой возможности отвезти Олега на берег, к палатке. К ночи ветер утихнет, поверхность бухты снова станет зеркальной в лунном свете, но до вечера еще надо дожить.

Обследовать участок они начали с дальнего от якорной стоянки квадрата – именно с него уходила вниз каменная гряда. Изотову он пустил первой, а сам погружался вслед за ней, расположившись чуть выше и правее – нависая над Ленкой, как атакующий коршун. Шла она хорошо, уверенно, равномерно работая ластами – с трудом верилось, что еще несколько дней назад Изотова с опаской погружалась на два метра, держась за леер, и училась правильно дышать с загубником. Обтянутое «летним» гидрокостюмом тело скользило вдоль валунов с рыбьей грацией, руки она прижала к бокам и, что удивительно, практически не оглядывалась, как другие новички. Пименов водил под воду многих, очень многих, но такие хваткие, как Изотова, попадались ему редко – человеку свойственен страх перед враждебной средой.

На восьми метрах, как он и приказывал, Ленка остановилась. Здесь было небольшое плато, а сразу за ним свал становился круче, на его краю валуны образовывали нагромождение, похожее на бруствер. За один из скальных обломков Губатый закрепил капроновый фал, пропустил его через карабин на поясе у Изотовой, потом через кольцо у себя на поясе, и начал спуск первым.

Здесь вода была чуть холоднее, но вполне терпима, даже если бы он рискнул погружаться без гидрокостюма. Между камнями, густо поросшими бурой водорослью, шныряли стайки разноцветных рыбешек, на дне виднелись крупные раковины рапанов, лежавшие россыпью, над ними клубился серебристым облачком растревоженный вторжением малек. А крупный каменный краб, растопырив тяжелые клешни, словно местный бандит палыцы, заведя их приближение, боком заскользил прочь, в спасительную глубину. На его пути, мордатые и мрачные, как храмовая стража, лежали, выставив иголки, крупные ерши.

Место для рыбалки было идеальное. А вот для поисковых работ...

Чем глубже они спускались, тем неуютнее чувствовал себя Губатый. Нет, за себя он не переживал! Куда только он ни нырял за последние десять лет! В окрестностях Новороссийска было куда погрузиться: две войны и богатая история порта оставили множество следов на морском дне. Кое-что подняли эпроновцы, кое-что море поглотило бесследно за давностью лет, но многое, очень многое осталось. Бывало, что осенние шторма подбрасывали страшные подарки прямо к Набережной и тогда матерящиеся саперы вывозили опасные грузы за город и там подрывали. На побережье же выбрасывало иногда целые контейнеры, смытые с палуб сухогрузов, вернее не сами контейнеры, а их содержимое. И местные жители бродили под скалами, собирая добычу, отвергнутую морем. Из уст в уста передавались рассказы о найденных после шторма золотых часах неимоверного размера, золотых цепях (о, где вы, маэстро Грин! Ваша фантазия бессмертна!), кулонах и браслетах. Отвергать такие истории Губатый не стал бы – слишком многое из того, что на берегу считалось невероятным, в море оказывалось обыденностью. Такие находки вполне могли случиться. Печально известный «Адмирал Нахимов», он же «Берлин», лежал на грунте совсем недалеко от этого места. И не он один в этих местах лежал. А море иногда выплевывает добычу – за ненужностью или устав забавляться чужими безделушками.

Поглядывая на плывущую рядом Изотову, Леха начал волноваться за ее самообладание. Компьютер на руке зафиксировал двадцатиметровую отметку. На этой глубине игры в ныряльщиков за жемчугом оканчивались бесповоротно. Конечно, утонуть можно и в ванной, но здесь... Здесь каждая ошибка была роковой на 90 процентов. Такая статистика не утешала. А Ленка, казалось, плевать хотела и на глубину, и на его страхи. Или, может быть, не догады-

вალაყ о том, что в синей мгле, сгущавшейся в нескольких метрах впереди, таится смерть – не игрушечная, киношная, а самая что ни на есть настоящая.

Возле валуна, похожего на замшелую черепаху, он тронул ее за плечо и знаком приказал остановиться. Скорее всего Изотова была недовольна, но рассмотреть это через стекло маски было невозможно – приказ она выполнила и зависла над камнем, подрабатывая лапами. Губатый скользнул глубже, разматывая фал до упора.

На дне ничего необычного не было. Песок, камни, крупная галька. В момент когда фал закончился, «Скуба Про» показал глубину в тридцать пять метров. Вода была холодной, маску вжало в лицо так, что у Пименова начал неметь нос. Двигаясь, как собака на длинном поводке, Леха осмотрел сектор и медленно, с одной остановкой, поднялся к Изотовой, на отметку 20.

На поверхности было тепло. После холода глубин вода казалась парным молоком. Пименов ловко влез в лодку и помог взобраться Ленке.

– Пусто, – сказал он и сплюнул за борт. – Отмечаем квадраты и переходим правее.

– Ага, – кивнула она. – Ясно. Я еще там поняла, что тянем пустышку. Как ты думаешь, сколько мы успеем осмотреть сегодня?

– Да ерунду! Тут работы непочатый край. Можно, конечно, пройтись с эхолотом, но тут нужен скорее магнитометр. Понимаешь, за столько лет пакетбот могло просто занести песком и камнями. Знаешь, есть такая штука – донные отложения? Так вот, мы можем проплыть в метре от того, что ищем, но не понять, что оно перед нами. Только если рукой коснемся, и то не факт...

– Этот квадрат успеем?

– Наверное. И, может быть, начнем примыкающий. Лена, не обольщайся, быстро не будет.

– А почему ты оставил меня на полпути?

– Потому, что глубже для тебя еще опасно.

Она ухмыльнулась. Именно ухмыльнулась, а не улыбнулась кривовато.

– Заботишься?

– Да уж скорее о себе... Не хочу грех на душу брать.

– Брось, Пима! Ничего не случится.

– Точно, – отозвался Пименов. – Если будешь слушаться, тогда ничего. Я не разыгрываю тебя, Изотова. Там, внизу, от того, как быстро и насколько правильно ты выполнишь мою команду, может зависеть жизнь.

– Моя? – спросила Изотова, подняв брови.

– Если бы... – сказал Губатый. – В том то и дело, что и моя. Так что – попрошу не выпендриваться. Отдыхалась? Отмечай карту и передвинемся чуток.

Пока Ленка возилась с планшетом, он выбрал якорь и проверил давление в баллонах. У Изотовой расход был выше – и редуктор был старый по конструкции и, несмотря на показное спокойствие, волновалась она больше. Он прикинул по GPS нужное расстояние, завел мотор и перегнал «резинку», поставив на приборе новую метку.

Вопреки ожиданиям, до того как на воду стали опускаться сумерки, они успели «доработать» квадрат. «Тайну» слегка раскачивало на пологой, набегающей с моря волне, Ельцов был бледен, как мел, и явно боролся с задумкой выплеснуть за борт содержимое желудка. На Изотову он вопросительно посмотрел печальными, покрасневшими глазами и увидев, как она отрицательно качнула головой, понурился еще больше.

– Собирайся, – бросил ему Пименов. – Давай отвезу. Вот, блин, горе-мариман. Сдохнешь ведь от заворота кишок. Сиди на берегу!

– Я там рыбы наловил, – произнес Ельцов сдавленно. – Ты не обращай внимания, Пима, я перетерплю.

– В лодку иди, – сказал Губатый. – Лена, заправь баллоны.

Изотова кивнула.

– Погоди. Я только переоденусь, замерзла немного.

Губатый тоже переохладился, его даже чуток потряхивало, но, глядя на Ельцова, которого на берегу «повело», как пьяного, только покачал головой.

– Я полежу, – сказал Олег жалобно, не оборачиваясь, и на подгибающихся ногах пошел к палатке. Его просто таки швыряло из стороны в сторону.

Пименов оттолкнул «резинку» от берега и на полном газу долетел до «Тайны» секунд за сорок-сорок пять. «Адвенчер» лихо прыгал по волнам с гребня на гребень, мотор задорно ревел, красное, словно настоящий сицилийский апельсин на срезе, солнце катилось к горизонту, и на синевом небе прорисовался бледный, как болеющий Ельцов, месяц. Он пришвартовался к «Тайне» с кормы, закрепил швартовый на леере и легко выпрыгнул на палубу.

Изотова как раз завела генератор: он застучал ровненько, суховато и тут же задышал, как набегавшийся за день пес, а компрессор втянул в себя воздух с астматическим посвистыванием и тяжело, по-стариковски выдохнул. Теперь пора было приниматься за баллоны.

Сказать, что Ленка переоделась, было бы неправильно: на самом-то деле она просто сняла с себя мокрое, растерлась простыней и набросила на голое тело длинную футболку. То есть длинную по меркам одетого человека – где-то до середины бедра. А вот если кроме футболки ничего не надевать, то футболка была короткая, можно даже сказать – кургузая.

Изотова сидела на корточках, то ли заворачивая штуцер для дозаправки, то ли демонстрируя Губатому загорелое бедро и такую же ягодицу, а может быть, делая одновременно и то, и другое.

Заметив его взгляд, Ленка только хмыкнула – что должно было означать: «Что, нравится? Так кто виноват, что ты такой дурак?».

«Выпить бы...» – подумал Пименов с тоской.

– Ну, и как? – спросила Изотова, глядя на Губатого с оценивающим прищуром.

Звучал вопрос двусмысленно, Лехе так и хотелось сказать: «Очень неплохо!», но он предпочел сделать вид, что не оценил «подкола».

– Улегся. Тошно ему. Если так будет продолжаться, то он нам не помощник.

– А он и так нам не помощник, – отрезала Изотова и клацнула переключателем ресивера.

Потом она встала, и Губатый понял, что длину футболки он переоценил минимум сантиметров на пятнадцать.

– Я переоденусь, – сказал Пименов, удивившись звучанию собственного голоса. – Пропусти-ка.

– Так я не держу, – рассмеялась Ленка и даже сделала шаг в сторону, скрестив руки на груди. От этого футболка задралась еще выше, уже полностью обнажив и лобок, и бедра. Взгляд у Изотовой был даже не издевательский – просто хуже не бывает. Так смотрят на евнуха. Губатый наверняка не знал, как смотрят на евнуха, но воображение ему подсказывало, что именно так, с удивлением, легкой брезгливостью и с интересом: «Что, неужели не встанет?»

В своих реакциях Пименов не сомневался – всю неделю от изотовских поддразниваний он был, как почетный караул на Красной площади: всегда по стойке смирно и всегда наготове, посему, отведя глаза, скользнул в рубку, оттуда вниз, в каюту, и, торопливо стащив с себя просоленную футболку и свободные, шортами, плавки, открыл дверь крошечной душевой. Кожу стянуло от соленой воды так, что казалось – все тело покрыто упругой пленкой. Шрамы выделялись красными выпуклыми нитями, а кое-где и шнурками.

– Может быть, все-таки не будешь торопиться? – сказала она вполголоса за его спиной.

Он медленно повернулся.

В каюте было душно: даже открытые настежь иллюминаторы не спасали, но все-таки лучше, чем под открытым солнцем, пусть и закатным. Губатый чувствовал, как по его вискам покатались шарики пота и застряли в мягкой щетине, отросшей на его щеках за эти дни.

Ленка стояла в проходе между узкими койками, расположенными, как в купе спального вагона – одна над другой, и стеной каюты, голая, с копной жестких от морской воды волос на голове... Стояла по-морскому, слегка расставив крепкие ноги, опершись одной рукой на край иллюминатора, а второй на верхнюю койку. Красноватый закатный свет, отражаясь от водной ряби, падал на ее лицо, зажигая глаза совсем не ангельским блеском, играл пятнами на смуглой загорелой груди.

Пименов даже не ел – жрал ее глазами. Всю, от тонких лодыжек до припухших от солнца губ, от крепких круглых грудей до подбритого лобка. Ему было плевать на то, что он давал себе слово не превращать деловые отношения в интимные. Плевать на то, что прошлой ночью эта женщина сладко стонала и выла под Ельцовым, и где-то там, в глубине ее лона, еще оставались капельки чужой спермы. Ему было плевать на то, что муж, пусть и гражданский, этой женщины лежит в нескольких сотнях метров от «Тайны», вымотанный качкой, уткнувшись покрытым испариной лицом в надувной матрас. Если честно, в этот момент ему было плевать на все! Их разделяло десять с лишним лет и несколько метров. Полная луна светила над Абрау-Дюрсо. Лодка скользила по глади озера, пахло травами, горячей землей и черной озерной водой – так может быть только на юге, под крупными, как спелые виноградины, звездами. Только там, где воздух наполнен негой и жаром. Только там каждая близость волнует, как первая, и кажется последней по остроте чувств и боязни утраты.

Губатый шагнул к Изотовой через годы, не ощущая, что уже идет – его несло навстречу ей – упругой морской волной, неудержимой, как желание, и желанием, неудержимым, как морская волна.

Кожа у нее была сухой и прохладной на ощупь, губы чуть искривлены все той же издевательской усмешкой, зрачки расширены. Грудь Ленки вздымалась неровно, не от непонятого волнения, подобного тому, что охватило Губатого, а скорее от обычного желания, и от каждого ее вздоха в момент, когда ее живот касался его напряженной плоти, Пименов чувствовал, что разум отказывается работать от недостатка крови, которая потоком хлынула в низ живота. Ему хотелось разорвать ее, свалить на пол и брать грубо, как воин берет законную добычу, но он глубоко вдохнул запах ее волос, покрытых крупинками морской соли, и нежно, словно боясь вспугнуть, коснулся губами виска, щеки, маленького уха, похожего на раковинку, шеи...

– Ну, – сказала Изотова хриплым, неровным голосом, – и чего ты ждал столько дней? Что я овдовею?

Губатый не ответил. Любой ответ звучал бы глупо. Особенно сейчас.

Ее руки скользнули по его бедрам – прохладные и мягкие, поднялись по спине, погладили затылок. А потом Изотова поцеловала его в губы. Поцелуй и ее дыхание были совсем не такими, какими он их помнил. Нет, поцелуй был хорош, страстен, умел, влажен и возбуждающ. Но он был не таким, как тот, что Пименов запомнил, не первый (он не оставил в памяти следа), а последний – пахнувший подкравшимся расставанием, другой жизнью и «не случившимся». Сегодняшний же пах сигаретной горечью. Он был другим. Настолько другим, что у Лехи возникло впечатление, что его обманули. Но Ленка на мгновение отстранилась от него, в душу Пименову глянули полные доверху желанием колодцы ее глаз, и все остальное перестало иметь значение.

Они сплетались и расплетались, словно сражающиеся осьминоги, то на узкой, как карниз откидной койке, то на полу, то на ступеньках ведущей в рубку короткой лестницы. Тела их покрылись испариной – и от духоты, и от усердия, с которым они любили друг друга. В этом совокуплении было настолько мало осознанного, что никто не смог бы назвать его любовной игрой – это было похоже на яростную схватку животных, на драку за первенство; оба они были друг для друга инструментами для удовлетворения желания, а не любовниками. Они рычали, облизывая друг друга, стонали, вскрикивали, а потом Изотова задышала размеренно, словно бегунья, отсчитывающая последние шаги до финиша – стиснула его бедрами, впиалась ногтями

в плечи и, мелко дрожа всем телом, до последней клеточки, задвигала бедрами в отчаянном, судорожном ритме, и Леха резкими и глубокими ударами заставил ее чуть приоткрыться...

Она закричала – такой крик Пименов слышал уже несколько ночей подряд, но это не охладило его, а, наоборот, только добавило сил и яростного удовольствия оттого, что он своими движениями выгоняет из пульсирующего лона само воспоминание о сопернике, его следы. Это было, конечно, иллюзией, но сладкой иллюзией. Именно на таких иллюзиях и держится мир, и Пименов, повидавший многих женщин на своем веку, об этом хорошо знал. Но в эту минуту, вонзаясь во влажный, живущий своей жизнью островок плоти, он не мог думать – он мог только торжествуя вздыматься над выгнутым ему навстречу телом, чувствуя себя хозяином, победителем, завоевателем. Как многие миллионы мужчин, берущие в ту же самую секунду своих жен, любовниц, случайных подруг и считающие, что именно они одержали победу в любовной схватке. И Пименов ошибался, как ошибались все и до, и после него – в этой битве всегда побеждает женщина, но ему еще предстояло в этом убедиться.

В кино после бурной любовной сцены почему-то сразу закуривают. Курить Лехе не хотелось. Совершенно. Хотелось пить, но было лень вставать. Койка была узка. Изотова лежала скорее не на смятых простынях, а на нем. И Пименов слышал стук ее сердца.

– Ну, и? Понравилось? – спросила Ленка тихонько, не поднимая головы. Ее пальцы гладили шрамы на Лехиной груди, пробегая по выпуклым рубцам легко и нежно. – Что ж ты такой застенчивый, как хер на морозе? Я уж думала, что ты себя оскопишь, только, чтобы меня не трахнуть. Странно, Леша, странно... Ведь ты, – ее рука скользнула по груди Губатого, спустилась ниже, – мужик хоть куда, моему Кузе не чета. И хотел меня – до чертиков. Да и в то, что ты Ельцова боишься или там, скажем, уважаешь чрезвычайно, верится с трудом.

– О чем тут говорить? – спросил Пименов в ответ. – Случилось, что случилось...

– То, что должно было случиться, – она то ли хмыкнула, то ли хохотнула тихонько. – М-да.

– Что – м-да?

– Интересная у нас ситуация намечается. Как ты думаешь – он слышал?

– Не знаю. Волна есть. Прибой. Может быть, и нет. Хотя вряд ли... Слышал, наверное.

– Это в общем-то не страшно.

– Так я и не боюсь, – сказал Губатый.

– Он не ревнив.

– Да? У нас будет время это проверить.

Ленка вновь рассмеялась.

– Знаешь, что любопытно? Когда мы приехали, я думала... Ну, я не знала, какой ты... Думала, что...

– Что совсем урод?

– Мне мать писала, что тебя искалечило.

– Так меня искалечило, Лена.

Рука Изотовой скользнула совсем низко, и Пименов почувствовал, что отдых ему, собственно говоря, и ни к чему.

– Ничего тебя не искалечило. Ты стал другой. Не такой, каким я тебя помнила. Я помнила тебя мальчишкой. Ты был избалованный, наглый и удивительно злоб... чий. То, что мне тогда было надо. Можешь мне не верить, но когда мне было очень хреново, я вспоминала озеро, лодку...

– Лена, – попросил Губатый, – я тебя прошу, давай без вранья. Был такой режиссер, Станиславский, так вот он в такие моменты говорил: «Не верю!» У меня же память не отшибло? Ты что, хочешь меня убедить, что пронесла память о нашем романе через годы?

Изотова поднялась и села у него в ногах, по-турецки, глядя на Пименова насмешливо, но, как ни странно, по-прежнему дружелюбно.

– Тю! – протянула она с некоторой обидой в голосе. – Вот сказал – так сказал! При чем тут роман? Через какие годы?! Пима, окстись! Удивительный вы народ, мужики! Я что, похожа на сентиментальную дуру? Не было никакого романа, Леша! И мы оба об этом знаем. Были двое молодых ребят: клевая телка и не особо приметный паренек, сын богатых родителей. Была обстановочка соответственная. Дачка, коньячок с шампанским, луна опять-таки просто чумовая. И лет-то всего шестнадцать! – она вздохнула несколько манерно, но, как показалось Пименову, с легкой тоской. – Хотелось страшно, что аж зубы сводило. А от тебя, Пима, хоть и был ты весь из себя плейбой и по поведению – мудак редкий, мужиком тянуло. Настоящим таким мужиком, бабской радостью, что силой в корень ушел...

Она наклонилась вперед и снова ухватила Губатого, за тот самый корень, в который он, по ее словам, ушел – не грубо, а нежно так, интимно ухватила.

– Именно об этом я вспоминала, Леша, а не о соплях и слезах. У меня мужиков было, как на Жучке блох! Или чуть меньше, я не считала, но вот так, чтобы запомнилось – больше не было. И не потому, не лыбься, что ты меня качественно драл, были и покруче умельцы, а потому, что не было больше такой сладкой жары, озера не было, лодки этой сраной...

Она постепенно повышала тон, и Губатый с удивлением увидел, что ее глаза наполняются слезами, а нижняя губа, припухшая от яростных поцелуев, слегка подрагивает.

– ...и шестнадцати уже никогда не было. И трахались мы не потому, что имели «задние» мысли, а просто потому, что были молоды и хотели сделать себе и другому хорошо!

– Успокойся, – сказал он примирительно. – Если честно, я тебя тоже вспоминал.

Изотова вдруг заулыбалась, тряхнула головой, отчего из уголка глаза выкатилась и побежала по щеке, оставляя влажную дорожку, крупная слеза.

– Часто? – спросила она.

– Когда было плохо, – признался Пименов нехотя. – Когда было очень плохо.

– Я когда увидела тебя, – Изотова ловко наклонилась в сторону, нащупала на верхней койке сигареты и быстро закурила. Жадно, с аппетитом – выпустив в прогретый воздух каюты струю густого серо-голубого дыма. Ее груди качнулись перед лицом Губатого, и он увидел бегущие к подмышке белые паутинки растяжек. – Там, на пирсе, я сразу поняла, что у нас с тобой опять будет...

– А я думал, что обойдется...

– Чудак ты, мил-человек! Что же в этом плохого?

– Ты была для меня воспоминанием, Изотова. Запахом молодости. Знаешь – «было время, был я весел!». Передача «Намедни», год 1992 – черно-белая картинка.

– А теперь картинка цветная? – спросила она.

Пименов кивнул.

– И это плохо?

– Не знаю. Воспоминание мешает разобраться.

– Знаешь, что, Пима, – сказала Изотова жестко. – Не пойму я, действительно ты мудак или прикидываешься? Тебе тридцать лет, а ты все еще не сообразил, что мы всю жизнь еб... м собственные воспоминания. Ты же не со мной сегодня спал, с тертой бабой сомнительной свежести, а с той шестнадцатилетней жадной писухой, которую по сей день помнишь. И я не лысого морячка обнимала, испанского как разделочный стол в столовке, а того, что меня...

Она махнула рукой, мол, что безнадежному объяснять, и пепел с сигареты упал на пол, на плотный ковролин.

– На этом и браки держатся, дурилка картонная. На двух-трех счастливых днях. А дальше – десятилетия кошмара, в которых нет ничего хорошего, кроме воспоминаний о тех трех днях. Как у моих папиков. У них кроме дачи и хорошей памяти ничего не осталось. И за тридцать

два года семейной жизни если у них был счастливый месяц – то это рекорд. А мы с тобой и женаты-то не были...

Она усмехнулась и, прищурившись, глянула на него, сквозь клубящийся дым.

– И это хорошо.

– Да, – согласился Пименов. – Нам, по крайней мере, не за что друг друга ненавидеть.

– Ну, это у нас еще в будущем, – рассмеялась Изотова и, внезапно насторожившись, прислушалась.

Сквозь равномерный шум волн, набегающих на прибрежную гальку, и плеск воды у бортов «Тайны» пробивалось равномерное бормотание работающих судовых двигателей.

Когда Пименов, нацепив шорты, торопливо поднялся на палубу, пограничный катер стоял в полста метрах от места их якорной стоянки и с его борта уже спускали «надувнушку».

– Что им надо? – спросила Ленка испуганно, прижимаясь к спине Губатого горячими грудями, и он понял, что Изотова выскочила на палубу не одеваясь, в костюме Евы.

На скуле выкрашенного в серо-стальной цвет «погранца» красовались цифры 352, а прыгавший в лодку человек в форме приветственно помахал в их сторону рукой.

– Воспоминания, говоришь, нравятся? – сказал Пименов. – Тогда готовься к следующему туру. Володю Куценко из 10-в помнишь? Вот – Вова Куц. Собственной персоной. На персональном судне «Вездесущий», которое здешние контрабандисты кличут «Кровососущий». Догадаешься, почему, или объяснить?

– Так чего уж тут, – отозвалась Изотова. – Догадаюсь.

– Я бы на твоём месте пошел, оделся. А то встреча может получиться чрезмерно теплой.

– Да ну? – деланно удивилась Ленка. – Так считаешь?

С берега донесся крик, слов было не разобрать, но слышен голос Ельцова был отчетливо, громко.

– Эгей! – снова закричал Олег, и Пименов, повернувшись, увидел, что тот стоит в полосе прибоя, по колено в волнах, и машет в их сторону руками, как сигнальщик на мачте эсминца.

– Ну вот, мы очухались, – сказал Губатый, – и если ты сомневаешься, то могу тебя уверить, что наше выступление твой Кузя слышал в подробностях. Если не спал. А я думаю, что он не спал.

– Тем лучше, – Изотова, уже начавшая спускаться по лестнице, оглянулась и подмигнула. – Терпеть не могу прятаться. А для тебя это проблема?

– Наша проблема отваливает от «Кровососущего», – взревел лодочный мотор и «резинка» запрыгала по волне в их направлении. – Что-что, а нюх у Куца, как у охотничьей собаки, так что готовься изображать радость внезапной встречи. Легенду помнишь?

– А как же!

– За Ельцовым надо будет слетать.

– Так его укачает снова!

– Я на это и рассчитываю, – сказал Пименов. – Он будет нашим тайным биологическим оружием. Куц страшно жаден и страшно брезглив. Об этом легенды ходят в порту. Сечешь фишку?

– Да вроде...

Изотова выскочила вверх в той же самой куцей футболке. Слово одеться она понимала достаточно своеобразно.

– Я в трусах, – фыркнула она возмущенно, заметив косой взгляд Губатого. – Что ж мне, шубу надеть?

– Один плюс в этом визите есть, – резонно заметил Пименов, расплываясь в широкой улыбке навстречу подъезжающему Куцу. – У Вовочки всегда можно разжиться контрабандными сигаретами.

– И спиртным? – спросила Ленка.

– И спиртным.

– И еще чем?

– Оружием, например.

Изотова улыбнулась краем рта.

– Ты что, серьезно, что ль? Куш у нас теперь оружием торгует?

– Ой, Ленка, – проговорил тихонько, не снимая с лица идиотски-радушного выражения, Пименов, – он у нас теперь всем торгует, включая Родину, место у него такое – обязывает! Когда он заговорит – не смей смеяться! Неприятностей не оберешься.

И когда «резинка» приблизилась вплотную к низкой корме «Тайны», сказал уже громко:

– Привет доблестным пограничникам!

– И вам привет! – отозвался Куш.

Несмотря на то, что Кущенко был невысок и широк в талии настолько, что силуэтом походил на Губку Боба – Короткие Штаны, с таким голосом он бы вполне мог петь кастратом в папском хоре.

Природа, дав Владимиру Анатольевичу богатырскую статью во всем, кроме роста, наделила его тонким подростковым голосом. Отдаваемые фальцетом команды звучали, как форменное издевательство над российским флотом – в общем, и над пограничниками – в частности. Над Кушем пытались смеяться. Правда, продолжалось это недолго. Одному подчиненному – старшине-контракtnику, он сломал нос первым же ударом, здоровенный детина ростом под два метра, буян и выпивоха, стал тише воды, ниже травы. Двум матросам покрушил ребра. Еще один срочник, «не врубившийся» в ситуацию с раздающимся попискиванием, пробовал хихикнуть, и целый месяц гремел гипсом на лестницах госпиталя. После таких весомых аргументов голос Владимира Анатольевича воспринимался окружающими, как бас Шаляпина, и никак не иначе. Новичков, поступающих в распоряжение части, предупреждали, безрассудных – осаживали. Авторитетным мужиком был Куш, скорым на расправу и при этом не лишенным чувства юмора. И больших коммерческих талантов. В сочетании с беспощадностью, интуицией, прекрасным знанием лоции и берегов, страсть к гешефтам делала его вероятным хозяином края по пограничной линии. Говорили, что сам губернатор отмечал таланты командира «Кровососущего» – именно Куш осуществлял «проводки» контрабандных грузов для губернаторских людей, и процент за это брал гуманный.

Губатый подробностей не знал – кто ж ему скажет о таких подробностях? – но наслышан был, и не от «щенков», мечтающих возить «контрабас»¹⁵ на облезлых «дюральках» с допотопными «Вихрями» на транцах¹⁶, а от серьезных людей, разгружавших в море за ночь целые корабли.

К нему несколько раз подваливали с предложениями поучаствовать в полуночных выгрузках под охраной пограничных катеров, но Пименов только слушал внимательно, а соглашаться – не соглашался. В таком бизнесе быть извозчиком – последнее дело. И денег больших не наживешь, а вот неприятности с конфискацией огребешь – на раз!

Не то чтобы Губатый был сильно честным, боязливым или брезговал криминальной работой, но хватким умом своим понимал, что продавать себя и «Тайну» за копейки просто бессмысленно. Такой риск такими деньгами не оправдывался. Не те выходили прибыли. А вот ежели бы подвернулось настоящее дело, когда за раз можно было бы «срубить» денег на новое судно, тогда разговор был бы другим. Но такой бизнес чужим не предлагается, а становится для этой братии «своим» Леха не собирался.

---

¹⁵ «Контрабас» – жаргонное слово, означающее контрабанду.

¹⁶ *Транец* – нижняя часть прямой кормы, набранная горизонтальными балками; на шлюпках – доска, образующая корму, к которой крепится наружная обшивка.

Раздобревший на хороших харчах Кущенко именно в таких вот операциях был докой. Впрочем, и контрабандистов, работавших не под его крышей, Владимир Анатольевич ошпыливал вполне профессионально – до последнего перышка. Без сантиментов, но и без излишней жестокости: попался – плати, не хочешь – садись. Результатом такого вот «прозрачного» бизнеса по охране государственной границы был трехэтажный дом в городе, две дачи невероятного размера на побережье, автопарк из семи машин, возглавляемый «Порше Кайеном Турбо», и страшная ненависть таможенников, которым до смерти хотелось проволочь эту контрабанду самим.

– Ленка! – пропищал Кущ. – Кого я вижу, ексель-моксель! Изотова!

На веснушчатом круглом лице удивленно хлопали круглые же глаза водянисто-голубого цвета, брови взобрались на самый верх лба.

– Сколько лет, сколько зим!

– Привет, Вовка! – отозвалась Изотова, наливаясь румянцем от с трудом сдерживаемого смеха. – Или тебя надо теперь господином капитаном называть?

– Перетопчется! – сказал Губатый, бросая конец рулевому. – Это у себя на катере он капитан, а у меня на судне – капитан я.

– Кто б спорил? – легко согласился Владимир Анатольевич, горным козлом перескакивая с «резинки» на корму «Тайны». – А мне в порту говорят – укатил Губатый! Неделью не появляется, только с диспетчером поговорит с утра – и все!

Он посмотрел на Изотову, подумал и ловко облапил, прижимая ее к бочкообразной груди.

– Ой, Ленка, ёксель-моксель, была ты красавицей и осталась! Здорово, Леха!

– Привет, Вова! – поздоровался Губатый еще раз, и они обнялись.

От Куща пахло табаком, копченой колбаской, дорогим одеколоном и совсем чуть-чуть потом. То, что запах пота не превалировал над другими в такую жару, означало, что из порта они вышли недавно, и по-настоящему прожариться на августовском солнце Кущ не успел – для «Кровососущего» ходу сюда было всего да ничего, меньше двух часов.

– Вот я и подумал, – продолжил Кущ прерванную объятиями мысль, – найти старого друга. Мне патрули говорили, что видели, как «Тайна» здесь болтается. А кто это у нас там, на берегу, как Робинзон?

– Ельцова помнишь?

– Олечку? Как не помнить, помню! – он смешно всплеснул руками. – Так это Ельцов?! Мама миа! Не может быть!

– Почему не может? – спросил Пименов спокойно. – Очень даже может быть! Он теперь Ленкин муж!

– Ёксель-моксель! – произнес Кущенко восторженно. – Ельцов? Твой супруг? А мне докладывают, мол, пришли к Пиме двое – мужик и баба, и в тот же день он и отчалил.

– Ну, тут соврали тебе чуток, – отозвался Губатый. – На следующее утро мы снялись. Что пить будешь?

– А что предложишь! Без разницы! Так что, Изотова, Ельцов твой муж? – Кущ перегнулся через борт так, чтобы видеть бегающего по берегу Олега, и крикнул. – Здорово!

Владимир Анатольевич с нескрываемой иронией посмотрел на ее наряд, на расхристаный вид Пименова и ухмыльнулся открыто, оценив пикантность ситуации.

– Муж – это хорошо! – изрек он с интонацией учителя средней школы, сообщающего очередную прописную истину лоботрясам и второгодникам. – Муж – это не только ценный мех!

– Пива или чего покрепче? – оборвал декламацию Губатый, роясь в холодильнике.

– Так ты ж не пьешь?

– Так я и не собираюсь. Я ж тебе предлагаю!

– А ты, Ленка? Что будешь?

Кущенко посмотрел на нее так, что Лехе захотелось задвинуть холодную (и, кстати, предпоследнюю!) бутылку «Клинского» прямо в наглый, лоснящийся, самодовольный «бубен» капитана «Кровососущего». Но разум возобладал. Бить Владимира Анатольевича было, собственно говоря, не за что. Изотова в своем смелом наряде, еще не остывшая после бурного секса, смотрелась – как бы правильно выразиться? – вызывающе! Или зовуще. В общем, любой нормальный мужчина на исходившую от нее до сих пор сладкую истому отреагировал бы однозначно. И Куш, естественно, исключением не был. Тем более что о его любви к слабому полу было известно всем в городе. Как и о привычке несколько раз мыть руки во время обеда, не прикасаться к еде руками, вытирать спиртовыми салфетками столовые приборы и (вот тут могли и преувеличивать!) даже сиденье унитаза в собственной квартире. Такая болезненная чистоплотность с безграничной любовью к слабому полу сочеталась плохо, но Кущенко, увидев хороший женский зад, брезгливость борол с легкостью!

– Ребята! – тоскливый крик Ельцова донесся с берега. – Ау!

– Ты бы за Олегом съездила, – предложил Губатый Ленке. – Пока мы тут посидим, поговорим.

– Ага! – с радостью согласилась Изотова. – Пара минут!

Глядя на скачущую по волнам лодку, которую Ленка оседлала, как джигит горячего скакуна, трудно было представить Изотову далеким от судовождения городским жителем. Было в ее ухватках, в том, как она мгновенно, на лету усваивала новые для себя понятия, что-то морское.

Куш, стоявший рядом с Лехой на баке, тоже провожал Изотову глазами и при этом неторопливо прихлебывал пиво из вспотевшей на жаре бутылки.

– Так что вы тут поделяваете? – спросил он неторопливо. – Ты, Пима, в зеленый туризм ударился?

Пименов не ответил. В этот момент ему хотелось пива – ледяного, от глотка которого немеет горло, резкого и вкусного. Он встал и вытащил из холодильника пластиковую бутылочку минералки. Конечно, в сравнении с пивом минералка была чистой отравой, но сорваться только потому, что хочется пить да еще и в присутствии иронизирующего знакомого...

Такого Губатый позволить себе никак не мог. Он отхлебнул газировку – Ленка уже достигла берега и прыгнула в воду, намкнув строго по пояс, и сказал так же неспешно, как собеседник:

– Туризм, только не зеленый и не голубой. Экстремальный! Ребята засиделись в своем Питере, устали.

– И пришли к тебе.

– Точно.

– А ты решил помочь?

– Ну?

– Много денег дали?

– Нормально. Вполне.

– Ага. И ты в конце сезона срываешься на отдых. Поплывать. А за окнами народ всюю косит зелень! Не верю я тебе, Пима. Врешь ты все.

– Брось, Вова! Ведешь себя так, будто у меня в трюме полно контрабанды и ты поймал меня за руку в момент перегруза. А у меня контрабанды в трюме нет! Там мышь повесилась! Приехали мои школьные друзья, и мы отправились позагорать и покупаться...

– Захватив с собой оборудование для погружений, – констатировал Куш. – Был, знаешь ли, такой режиссер – Станиславский. Я уж не помню по поводу чего, но он все время кричал: «Не верю!». Слышал о таком?

Это была «коронка» Губатого, его выражение, которое он использовал неоднократно, в том числе и при Владимире Анатольевиче. Куш вообще отличался тем, что, как голодная галка, съедая чужие связи, идеи, бизнесы и, как выяснилось, не брезговал даже выражениями.

Пименов уже набрал для ответа полную грудь воздуха, но сдержался и перевел дух.

– Доводилось слышать.

– Что ищите, Леха?

– Ничего, – Губатый пожал плечами, наблюдая, как в полосе прибоя грузится в лодку вымокший Ельцов. – Что тут можно искать, сам посуди? Ты же здешние воды знаешь, как свои пять пальцев!

– А я вот думаю, Губатый, – сказал Кущенко, и его фальцет зазвучал так, что у Пименова по спине побежали мурашки. Крупные такие мурашки, размером с хорошего таракана, – что ищите вы на свою жопу неприятности. И лепишь ты мне, барыга, горбатого...

Есть разновидность людей, которая, чувствуя в собеседнике слабинку, дуреет, как голодный пес от запаха крови. И ежели в такой момент дрогнуть – все! Сомкнутся на горле крепкие челюсти, разорвут плоть клыки, и кровь смешается с вонючей слюной хищника. Куш, несмотря на вид ботаника и образованность Недоросля, был хищником. Тех, кто имел несчастье в этом сомневаться, приняли в свои объятия: сначала – новороссийский КПЗ и далее – по назначению. А кое-кто из сомневающихся (об этом ходили смутные слухи, но Леха был на все сто процентов уверен в их правдивости) до ласковых объятий справедливого закона не доживал. Черное море, конечно, не океан, но велико и глубоко зело. И очень тщательно хранит свои тайны.

Стоящий рядом человек не был исчадием ада. Нет, он был прагматиком, бизнесменом, стражей государевой и, как водится при таком причудливом сочетании профессий, немножко параноиком. Но отнюдь не шутком гороховым, как можно было бы судить по внешности и голосу. И то, что они с Губатым знали друг друга с детства, не делало его более безопасным, а скорее уж наоборот.

Пименов не был для Владимира Анатольевича таинственной личностью, от которой не знаешь чего и ждать, а представлялся вполне понятным коммерсом, даже не средней руки, а гораздо ниже: где-то между бабушкой, торгующей на рынке контрабандными сигаретами, и сутенером, ошивающимся возле матросского клуба. По мнению Куща, он не представлял никакой опасности для великого и могучего повелителя государственной границы. Так, легкая добыча. Вот Кущенко и оскалил зубы – скорее для остротки, а не для того, чтобы напугать того, кто давно напуган жизнью. Просто, чтобы собеседник вспомнил свое место в пищевой пирамиде.

– Слушай меня, Куш, – ответил Пименов, не повышая тона. Он даже намеренно сделал интонацию помягче, таким голосом подманивают к будке бродячих собак работники коммунального хозяйства. – Во-первых – я тебе не Губатый, а во-вторых... Кончай меня пугать. Я тебе не барыга. Я не контрабандист. Твои дела – это твои дела. Я в них не лезу...

– Отож, – отозвался Владимир Анатольевич весело и приложился к бутылке пива. – Попробовал бы!

– У меня какой бизнес, Вова?

– Лохов разводить, – ухмыльнулся Куш.

– Да ну... Давай поменяемся! Ты пойдешь лохов разводить, как я. А я Родину беречь – как ты!

– Да кто ж нас поменяет? – осведомился Владимир Анатольевич, поглядывая на Губатого, как на душевнобольного. – И что ты на моем месте делать будешь? На мое место попасть трудно, но это не главное. Главное на моем месте – выжить! Врубаешься? Кому нужен ты, мелочь пузатая? А меня любая сволочь захавать норовит! Что сверху, что снизу...

Лодка с Изотовой и Ельцовым бодро отчалила от берега и понеслась к «Тайне».

– Так какого черта ты ко мне лезешь? – спросил Губатый. – Занимайся своими делами. Что, у тебя хлопот мало?

– Так это мое дело, – Куц допил пиво и, размахнувшись во весь мах коротенькой ручки, швырнул пустую бутылку по направлению к скале, возвышающейся справа. Бутылка до каменной стенки долетела, но, будучи на излете, не разбилась, а, звякнув о камень, упала в воду и закачалась на волне. – Все, что здесь происходит, – мое дело. А если бы к тебе братва портовая подвалила? Думаешь, было бы праздничнее?

– Хочешь честно? Особой разницы не вижу. Я на собственном судне, со старыми друзьями, сижу ловлю рыбу, купаюсь, ныряю, получаю за это бабки, с которых, кстати, плачу долю всем, кому положено, а тут является бывший соученик и доёб...тся – а что ты тут делаешь? Чем занимаешься? Зачем ныряешь? Отдыхаю я! Понял, Куц? Есть на свете страны, куда люди только и ездят за тем, чтобы понырять, знаешь?

– Бывал, – сказал Владимир Анатольевич и помахал рукой Изотовой и Олегу. – Верить? Говно страны, ныряй – не ныряй.

– Спорить не буду, – согласился Пименов. – Тебе виднее. Ты у нас все больше по заграницам отдыхаешь, а мы, пейзажи неумытые, из России-Матушки – ни ногой. Я и в Крыму-то не бывал. Так говоришь – говно?

– И не сомневайся. И в Крыму я был. Совок-совком: дорого, грязища, курортников, как клопов в ночлежке. Одна радость: в Севастополе – наши корабли. А что хохлам х...ёво, то нам радость! Ну, да ладно, хрен с ним, с Крымом, все одно – отберем! Я вот давно спросить у тебя хотел, Пима... Вот ты все копишь и копишь. Не едешь никуда, из всех покупок – одна тачка, да и та не первой свежести... А ведь наводил я справки – далеко не бедный человек. Ни жены у тебя, ни детей. И не пьешь, опять-таки. – Куц усмехнулся. – Ты их в подушку складываешь, ёксель-моксель? В наволочку?

– Любопытный ты, Вова, человек! Все тебе интересно, кто чем дышит! Что тебе до моих денег? У тебя своих куры не клюют, а ты чужими интересуешься...

Лодка с Изотовой и Ельцовым была совсем рядом, интимная часть разговора наверняка заканчивалась. При свидетелях Владимир Анатольевич столь агрессивным и столь откровенным не будет. Будет хитер, осторожен, неизменно настойчив. Резать не будет – будет пальпировать и ждать момента чтобы выведать оберегаемый секрет (а в существовании такового он, как настоящий параноик, не сомневался).

– Шутишь, наверное, – в голосе Куценко звучала обида. – Откуда у бедного госслужащего деньги. Если бы не жена, давно бы по миру пошел, с сумой...

Пока что с сумками ходили исключительно к Владимиру Анатольевичу. Сумки были большие, «челночные», в сине-красный квадрат, заполненные по самый верх тугими банковскими упаковками. Вот с такой сумой Куц вполне мог пойти по миру и осесть благополучно, где понравится. Это Губатый себе хорошо представлял. А представить Владимира Анатольевича с реальной сумой, сурком или обезьянкой, приносящей счастливый билетик, – затруднялся.

– Значит, все у жены?

– Отож...

– А ты – «голый и босый»?

– Ага. Сирота я...

– Эх, надо было жениться! – сказал Пименов, словив конец швартового, который ловко метнула ему Изотова. – Это я просчитался!

– Ну, – заметил резонно Куц. – Жена – это тоже не только ценный мех... И просчитался ты, Пима, не только с женитьбой. Я ж не отстану. Не от жадности не отстану, от любопытства. Как это так? Во вверенной мне акватории...

– Да на здоровье! – проговорил Губатый с улыбкой, подавая Ельцову руку. – Нам то что? Чаще будем видеться! Не знаю, как ты, а я тебя всегда рад видеть!

Последнюю фразу бледнеющий на глазах Ельцов расслышал.

– И я рад! – провозгласил он, стараясь устоять на палубе на широко расставленных ногах, хотя качки, как таковой, не было. «Тайну» болтало чуть-чуть, и ветер, похоже, усиливаться не собирался. – Вовка! Как ты?

«Ну-ка, поворотись, сынку! Какой ты большой стал! – подумалось Губатому. – Пряма встреча на Эльбе! Интересно, что ему Ленка сказала?»

Он занайтовил «резинку» вторым тросом и подал Изотовой руку, но та взлетела на палубу, едва коснувшись его ладони. Пименов посторонился, пропуская Ленку, а она, проходя мимо, ловкая, гибкая, в облепившей тело мокрой футболке, через ткань которой просвечивали темные круги сосков, ухватила его за пах, неожиданно сильно, но не больно. И подмигнула с улыбочкой.

Губатый невольно оглянулся, но Олег с Кушем все еще хлопали друг друга по плечам, выказывая бурную радость от неожиданной встречи. Насколько Пименов мог вспомнить, в школе Ельцов с Вовочкой, будущим Владимиром Анатольевичем, дружбу не водили. А тут – поди ж ты!

– Я переоденусь, мальчики! – сказала Изотова.

И, мелькнув крепким задом, скрылась в каюте.

«И что Ельцов сказал Ленке? – задал себе вопрос Леха, стараясь не встретиться с Олегом глазами. – Интересно, что мужья говорят в таких случаях? Как тебе не стыдно? Или – как ты могла? Или – ты что, трахалась с этим животным? Ведь что-то говорят? Наверное, что-то обидное, злое. И в морду могут дать. И зарезать, не дай Бог, могут. И необязательно при этом любят изменщицу, скорее уж просто защищают свою территорию. Ну, не мог Кузя не видеть, как она уже неделю мне подставляется! Он слепой, глухой? Или влюблен в нее до беспамятства – так нет. И умысел, если это умысел, мне непонятен. Я понимаю, нашли мы что-то – вот тогда Ленкино самопожертвование имело бы смысл. Но мы ничего не нашли, и не найдем, очевидно».

Братание закончилось.

– Вот что, мужики, – заявил, расчувствовавшись, Куш, – у меня два выходных! Чего им даром пропадать? Вот отосплюсь после патрулирования, возьму «Ласточку» и за пару часов буду у вас. Привезу жратвы, воды, забухать, у меня в салоне и телек есть. Посидим, отдохнем, поплаваем...

Он посмотрел на Губатого с насмешкой во взгляде.

– ...поныряем, рыбку половим! Я для нас с тобой, Леша, пару телок привезу! Классные соски, увидишь...

«Ах, ты, сукин сын! – подумал Пименов с легким оттенком восхищения. – Вот что значит опыт. Никаких тебе приглашений, никаких тебе неудобств. Приеду. Привезу. Ждите. Целую. Я. И на хер не пошлешь, не за что. Все в соответствии с легендой. Мы же тут отдыхаем? Не так ли?»

«Ласточкой» называлось личное судно Кущенко (естественно, записанное на двоюродного брата жены) – двенадцатиметровая яхта с моторами в 400 «лошадок», по ходу уступающая только «Кровососущему» и его братьям-близнецам – патрульным катерам «Парящему» и «Отважному».

– Обо мне не пекись, – сказал Губатый. – Мне телок и на берегу хватает, еще и в море их брать.

– Женщина в море вообще плохая примета, – поддержала беседу Ленка, появляясь в рубке. Она сменила наряд на длинную клетчатую рубаху из тонкого хлопка и свои любимые велотреки.

– А ты? – осведомился Владимир Анатольевич, оглянувшись на голос. – Ты у нас кто? Мальчик?

Вопрос прозвучал смешно – под тканью рубахи грудь Изотовой была даже заметнее, чем в тот момент, когда ее облепляла мокрая футболка. Во всяком случае – смотрелась более волнующе – этакое таинственное шевеление.

– И вообще, Ленюк, запомни, – продолжил он, раздевая Изотову взглядом: – Женщина на корабле – горе, когда она одна на всех. А когда их много – это уже не корабль, а просто плавающий бардак!

И засмеялся.

Смеялся Куценко еще смешнее, чем говорил. Мелко, тоненько хихикал, застенчиво опуская глаза.

«Альхен! Голубой воришка!» – пронеслось у Губатого в голове.

– Это как у Жирика, – сказал Ельцов, которого от минутного пребывания на едва показывающейся «Тайне» начало мутить с прежней силой. – Каждой женщине – по мужчине, каждому мужчине – по бутылке водки!

Он был уже не бледен лицом – землист. С таким цветом кожи можно было играть зомби и без грима.

– Вот это правильно! – поддержал его Владимир Анатольевич и с размаху хлопнул Олега по спине. – Вот это по-нашему, по-бразильски! Молодец Вольфович! Понимает нужды!

От этакое дружеского похлопывания Ельцову сделалось совсем худо, и когда «Тайна» перевалилась с носа на корму в очередной раз, он схватил себя за лицо, зажимая рот и нос, и ринулся к борту, издавая утробные звуки.

Куценко перекосило, словно от кислого вина, и он сам начал стремительно бледнеть под слоем загара.

Расчет Губатого оказался точным. Спасти их от повторных визитов бывшего соученика слабому вестибулярному аппарату Ельцова было не под силу, но испортить обедню Куцу минутно он вполне мог. В этот момент Владимир Анатольевич совершенно искренне жалел и о выпитом только что «Клинском», и о сравнительно недавнем обеде, и даже о своем приезде сюда.

– Он что, болеет? – спросил Куценко с видимым отвращением.

Ельцов с шумом извергся за борт, отчего Владимир Анатольевич стал цветом напоминать только что отреставрированную мраморную статую.

– Есть немного, – подтвердил Пименов. – Не любит Олежка качку. Что такое, Вова? Тебе нехорошо?

– Да ничего, – выдавил из себя Куц, медленно отступая к фальшборту, – жара, понимаешь ли...

Ельцов посмотрел на них через плечо глазами больного мерина и снова повис на леерах, вздрагивая спиной.

– Твою мать! – прошипел Куц сквозь зубы. – Какого ты его на судно приволок?! А?

– Так ты ж увидеться хотел, – простодушно возразил Губатый, забивая трубку табаком. – Олег, как только качать начинает, сразу на берег съезжает. А тут – ты позвал. Ну, вот он и... Не перенес радости встречи! Так когда тебя в гости ждать?

Последнюю фразу Леха произнес уже в спину Владимиру Анатольевичу, который с юношеской прытью сиганул с кормы в свою лодку.

– А завтра к вечеру и жди, – ответил Куценко, отвязывая конец, – буду обязательно! Аэрона ящик для этого дохляка возьму... Ленюк, а тебе что? Что ты пьешь, радость моя?

Изотова стояла рядом с Пименовым, небрежно, как бывалый моряк, опершись на ограждение, с сигаретой в зубах и в круглых, как у Базилио, очках. Стекла у нее были настолько густо-черные, что рассмотреть за ними не то что выражение глаз, а даже моргание было невозможно.

– Все пью, – сказала Изотова. – Мне главное – хорошая компания. Сигарет привези. Хлеба. Конфет. Да что я тебе мозги парю? Сам знаешь, что надо, мы тут неделю сидим.

Кущенко завел лодочный мотор, импортный, издающий тихий шелест четырехтактный «Маринер».

– Сигарет привезу, – он стал в лодке, раскачивающейся на волне. Крепкий, низкорослый, широкий, напоминающий гриб-боровик – жаль, фуражки не было на нем, только пилотка. Фуражка делала бы сходство с боровиком абсолютным. – У меня завалилось пару блоков. Хлебушка. Ну, и пожрать там разного... Слышь, Пима! Ты без меня не шали тут!

Он ухмыльнулся.

– Делом занимайся! Ну, пока!

Он дал газу, развернулся на винте и понесся к «Кровососу».

– Приедет? – спросила Изотова.

– И не сомневайся.

– У него действительно такой нюх?

– У собаки подобного нет. Бабки за много миль чует, как муха говно.

– Кузя! – позвала Ленка – Ты как?

Ельцов промычал что-то неразборчивое.

– Давай я отвезу на берег наше тайное оружие, – предложил Губатый. – А то у него заворот кишок случится. Жалко все-таки...

Тайное оружие бессильно свисало с леера в опасной для жизни позе.

– Ты или я? – спросил Пименов.

Изотова пожала плечами.

– А ужин?

– Тогда я, – сказал Губатый обреченно. – Два раза ездить придется. Думаю, что супруг твой на судне кушать не захочет.

Ленка хмыкнула.

– Если вообще захочет. Вот, блин, повезло Кузьме как утопленнику! – она посмотрела на Пименова взглядом соучастницы. – Со всех сторон повезло.

– Да уж, – согласился Пименов. – Тут не поспоришь. Олег! Давай сюда! Тебе лучше на берег поехать!

Ельцов поднял на него мутные, словно вода в ставке, глаза.

Пима подхватил его под локоть и помог спуститься в «резинку». Олег сделал это, словно Буратино: неловко, деревянно, с трудом сохраняя равновесие. Пименову было действительно его жалко – по белому, как живот покойника, лбу, застревающая в рыжеватых бровях, бежали крупные капли. Несколько из них собрались в одну крупную, похожую на мыльный пузырь, висевшую на носу у Ельцова, отчего он походил на мальчишку с насморком.

Лодка долетела до берега за минуту с небольшим. Губатый ловко поднял мотор, чтобы не зацепить «пером» за камни, и лихо выскочил на мелкую береговую гальку.

– Груз доставлен, – рапортовал он шутливо, но Ельцов шутки не оценил. И шутка была вымученная, если честно, и было Олегу не до того. Он споткнулся, перешагивая через баллон «надувнушки», упал на одно колено, встал и, не оглядываясь, неверной походкой пошел к стоявшей рядом палатке. Его швыряло из стороны в сторону, как швыряет моряка, но не после многомесячного рейса, а после многочасовой пьянки на берегу.

Губатый не мог определенно сказать, почудилось ему или нет, что в тот момент, как Олег поднимался с колен, из-под плеча сверкнул в его сторону тяжелый, полный ненависти и совершенно здоровый взгляд. Так смотрит на загнанную в угол мышь, занеся над головой смертоносную мухобойку, домохозяйка. В этом взгляде была и брезгливость, и презрение, и жестокость. И торжество было. Кажется.

«Становлюсь параноиком», – подумал Пименов, сталкивая лодку в набегающие прибойные волны. Его обдало солоноватой пеной, и в тот же момент ветерок сделался прохладнее – влага испарялась с загорелой кожи. У берега запах хвои – свежей и пересохшей – был более явственен. Как-то по-особому пахли прогретые до температуры ожога скалы. Пахли резко, свежестью и йодом, гниющие водоросли. Пронзительно кричали зависшие в голубой пустоте крупные, как буревестники, чайки.

А вечером, когда они все вместе сидели у костра, Губатый был готов подписаться под тем, что стал параноиком. У мирно потрескивающего в огне плавника этот случайно пойманный взгляд казался некой шуткой. Неудачной, если подумать, но только шуткой. Совсем не похож был вечерний Ельцов на того, кто обжег Пименова взглядом из-под руки.

Олег от вечернего приступа морской болезни отошел и даже поел с видимым удовольствием. Горячая, янтарного цвета уха с добавлением рюмки водки подействовала на Ельцова, как живая вода на порубленного «в капусту» Ивана-царевича: он покраснелся лицом, задышал ровно и даже заулыбался, но уже не виновато, а обыкновенно. И от этой самой улыбки Губатый почувствовал себя неловко вдвойне, но все же в безопасности. Ну, не может человек с такой «ботанической» улыбкой оказаться опасным!

– Времени у нас нет, – сказал Пименов, набивая трубку табаком. – Скорее всего, с завтрашнего вечера у нас начнется вечный день пограничника. И, скажу честно, я Куца в работе видел все эти годы, он на моих глазах, можно сказать, рос... По службе, я имею в виду... Он не отвяжется. Можно не надеяться.

Изотова тоже курила, лежа на матрасике у костра, выпуская струи дыма в высокое звездное небо. Ельцов же, опершись на локоть, рассматривал в свете люминесцентного фонаря какие-то бумаги из своей китайской папочки. Со стороны все они втроем напоминали мирных туристов на отдыхе, и если кто-то, а такая вероятность была, рассматривал их со стороны моря в бинокль, то более похожую картинку трудно было бы разыграть намеренно.

– И что будем делать? – спросила Ленка, сбросив пепел на гальку в изголовье. – Прервемся? Изобразим отдыхающих?

– Как вариант, – отозвался Ельцов. – А почему – нет, собственно говоря? Ну, плаваем. Ну, ныряем? Ищем, не ищем... Кто это разберет?

– Кузя, – проговорила Изотова с ленцой, – Вовочка даже внешне на идиота не похож, а уж внутренне... Так поумнее нас с вами будет. Кого ты собираешься обманывать? Просто ныряем, обследуя квадраты? Да даже дебилу будет понятно, что мы что-то ищем!

– Да, Куценко не дурак, – согласился Губатый, глядя на то, как пламя лижет выбеленный морем кусок дерева. – Он и сегодня приезжал не случайно. Кто-то видел нас. Или с моря, или сверху, с обрыва. – Пименов ткнул мундштуком вверх, туда, где на черном небе рядом с убывающей луной висели крупные, как грецкие орехи, звезды. – Это если смотреть пять минут, кажется, что мы на отдыхе. А если час? Или два? Дальше – слухами земля полнится. Порт – это как коммунальная квартира. В своей комнате пукнешь, а у соседей со стены картина падает. Шила в мешке не утаишь. Вас видели? Видели. Мы ушли неизвестно куда? Ушли. С диспетчерами я на связи – на связи. И с моря нас видно, не со всех точек, конечно, но «Тайна» – это вам не баркас, она у нас дама видная, у берега не притопишь.

– В долю его брать не хочется, – сказал Ельцов.

– А что? Есть куда брать? – осведомился Леха. – Доля – она от ноля ноль и есть. Чем делиться? Надеждами?

– Ну, Пима, – проворковала Изотова и щелчком отправила окурок в темноту. – Надежда иногда дорогого стоит. Надеждой, как раз, можно и поделиться. А вот деньгами... Деньгами я больше делиться не хочу! И так ты «отжал» себе треть. На хера мне такое счастье? Пусть Куш надеется. От этого нам не холодно, не жарко.

– Чисто теоретически, – спросил Пименов, глядя на море, равномерно плещущееся у самых ног. – А что ты будешь делать, если мы, ну представим себе такой уникальный случай, что-нибудь отыщем? Ты думаешь, что этого «ёксея-моксея» прогонишь сраной метлой? Не поделившись? Так прими как данность: это он нас может погнать. Собрать мокрыми трусами да выкинуть! Кстати, даже если ты с ним о чем-то и договоришься – не факт, что он эти договоренности соблюдет. Он – сила. Захочет – бандитов натравит, захочет – сам порвет, захочет – менты из нас таких павианов сделают, что настоящие обезьяны в Африке обхохочутся!

– Собираешься заранее сдаваться, Лешенька? – осведомилась Изотова ласковым, медоточивым голосом. – На спину ложимся, ножки раздвигаем, глазки закрываем и пытаемся получить удовольствие? Такой у тебя план?

– Нет. Собираюсь завтра открыть огонь из береговых орудий. На поражение.

– Тоже неплохо, – поддержал идею Ельцов и зашуршал бумагами, как мышь в стое сена. – Мне тут одна мысль в голову пришла. Вот, послушайте...

В ксерокопии протокола допроса гражданина Бирюкова, 1885 года рождения, составленного 26 марта 1920 года в той самой Ростовской пересыльной тюрьме и губернском ЧК, сведений содержалось много и весьма разнообразных: видать, били Юрия Петровича сильно и с толком. Был он из дворян, отец статский советник, мать из семьи Вяземских – классовый враг в самом неприкрытом виде – как такого не калечить? Донос на него в архив не попал, а может быть, Ельцов не удосужился снять с него копию, незачем было, но если судить по вопросам, которые задавал ему следователь, шансов выйти из ЧК живым у помощника Чердынцева не было никаких.

На деле Бирюкова рукой начальника следственно-оперативной части Ростовской ЧК, одного из палачей Кронштадта Семенова, было начертано: «Взято под личный контроль!»

В стране бушевал «красный террор». В стране расстреливали инакомыслящих и священников, расстреливали за неосторожно сказанное слово, за неосторожно брошенный взгляд, за происхождение, за партийную принадлежность, за дружбу с кем не надо, за написанные «не о том» стихи, за прозу в которой был усмотрен контрреволюционный тайный смысл...

Страна голодала, захлебывалась свинцом и кровью, страна разучилась любить и еще не устала от ненависти. Этой кровоточащей, истерзанной державе были позарез нужны деньги.

И поэтому Юрий Петрович Бирюков сидел в одной из подвальных камер, стылой и сырой, на привинченном к полу стуле и ждал смерти так, как никогда не ждал никого на свете. Он устал бояться. Он устал страдать от бесконечно длящейся боли.

По облупившейся штукатурке полз грибок, пахло кислым и кровью.

Правый глаз Юрия Петровича вытек на щеку от могучего удара, вогнавшего в роговицу металлическую оправу старых очков вместе с осколками стекла. Говорить он мог с трудом – распухший язык все время цеплялся за осколки кости. Было господину Бирюкову всего тридцать пять лет, двадцать из которых он отдал службе науке и исчезнувшему Отечеству. Именно исчезнувшему окончательно и бесповоротно, в этом Юрий Петрович был совершенно убежден. Эти двое, находившиеся в камере вместе с ним, не могли иметь к Родине никакого отношения.

Один из них, высокий и суставчатый, как сапожный метр, со слезящимися глазками кокаиниста и мокрым ободком вокруг воспаленных ноздрей, явно был человеком образованным. Это было слышно по речи – университетское образование и гувернанта в детстве не скроешь под скрипящей кожанкой.

Второй, неловко-косолапый, с короткими, мощными руками, был попроще. Говорил он хуже, путал ударения, сбивался на волжский акцент, но бил мастерски: размахивался по-крестьянски, с утробным «хеканием», и бил с обеих рук, как цепом – не целясь, куда придется. Именно он выбил Юрию Петровичу глаз, сломал ребра и руку и повредил нервы на лице. Бирюков выглядел стариком – обвисшие, бульдожьи щеки, лысина, глубокие морщины на лбу, подергивающийся от тика рот, из которого чистая чекистская рука выбила почти все зубы.

Он понимал, что спасения не будет. Его просто неоткуда ждать. Он был врагом. Для тех, кто сегодня терзал Россию, врагами были все, кто был не с ними. Юрий Петрович был офицер, дворянин, сын дворянина и человек чести. Он не принял сторону «новых якобинцев», не принял ни одну из сторон, а это значит, что он был настоящим врагом! Красный террор не признавал никаких законов, кроме революционной целесообразности. Высшим ее выражением была смерть противника.

Имя того, кто бил пытаемого, история не сохранила. Губатый придумал себе его образ, слушая севший от влажного воздуха голос Ельцова, читавшего протокол. А вот имя второго было зафиксировано на копиях пожелтевших листов с расшифровкой стенограммы допроса. Его звали Анатолий Иванович Бирюков, и был он кузеном Юрия Петровича.

– Гражданин Бирюков, еще раз опишите сделанную вами находку...

– Я уже рассказывал...

Повинуясь кивку головы человека – складного метра, коренастый крепыш шагнул поближе к стулу и, сладострастно засопев, ударил Бирюкова в ухо открытой ладонью. Барабанная перепонка лопнула, как папиросная бумага, и кровь потекла из ушной раковины тонкой струйкой. Юрий Петрович не закричал, не потому что был мужественным. Какое уж тут мужество после недели пыток?! Он просто потерял сознание от боли в момент удара и медленно, словно горячий стеарин, оплыл на сиденье тяжелого стула.

– Что ж ты так стараешься? – брезгливо спросил коренастого Анатолий Иванович и закурил папиросу. – Нежнее надо. Видишь, человек устал...

«...допрос прерван на несколько минут. Обвиняемый сомлел и был облит водой из ведра, после чего пришел в сознание.

В. Повторяю свой вопрос. Опиши еще раз сделанную тобой находку?

О. Жемчуг нашел не я...

В. Это не играет роли, Юра. Еще раз опиши ящик.

О. 14 на 8 и на 5 дюймов Темного дерева.

В. Что в нем?

О. Почти тысяча пятьсот жемчужин. Все отборные. Розовые, белые и полторы сотни черных.

В. Где находился ящик во время путешествия?

О. В сейфе, в каюте Чердынцева.

В. Что за сейф?

О. Английский, последней конструкции. Викентий Палыч рассказывал, что непроницаемый для огня и воды.

В. Большой?

О. Не очень, но тяжелый, фунтов 200. Он предназначен был для самых ценных находок экспедиции, некоторых документов.

В. Где находилась каюта Чердынцева?

О. Вторая по левому борту, следующая за каютой капитана.

В. Где стоял сейф?

О. В углу, за изголовьем койки.

Текст был сух и лаконичен, но разыгравшееся воображение Пименова рисовало ему висящий пластами папиросный дым, скрип пера по плохой бумаге, быстро густеющую темную кровь на грязной коже, запах пота от немых тел, гуталина от сапог и вяжущий рот, как зеленые яблоки, привкус смертельного страха.

В. На судне были еще какие-нибудь ценности?

О. Да, все рабочие журналы экспедиции, гербарии, биологические образцы, фотографии, антропологические исследования...

В. Ты что, издеваешься, сука? – спросил Анатолий Бирюков. – Ты что такое мне говоришь, а? На кой хрен нам твои бумажки? Что мы с ними делать будем? Наука... Кому сейчас нужна твоя наука, малахольный? Люди с голодудохнут, враг со всех сторон прет! Нет, Юрочка, нас не интересует расстояние между надбровными дугами папуасов, другие сейчас задачи. Деньги в сейфе были? Не бумажки – золото, камушки. Ну, ты понял?

– Я не знаю... В сейфе Викентия Павловича была только коробка с жемчужинами и остатки средств экспедиции. Правда, мало. Последнее жалование выдавалось в октябре 17-го, деньги кончались. А в сейфе капитана. Откуда мне знать?

– Ну да... – сказал революционный кузен с издевкой в голосе. – Мы все больше о науке, куда нам о материальном думать?

Он закурил очередную вонючую папиросу, посмотрел через табачный дымок на сидящего напротив Юрия Петровича и ухмыльнулся.

– Да успокойся, Юрочка, успокойся... Были деньжата в капитанском сейфе, в судовом журнале все записано... Но денежки смешные, несерьезные денежки. И огород из-за них горюдит никто не будет. Да и вообще, не по нашему ведомству это все – столичные фокусы... В Петрограде больно интересуются кораблями затонувшими. Так что не на меня обижайся, братец, я бы тебя просто шлепнул. Быстро, по-родственному, не мучая. Ты ж меня в детстве от гнева батюшки выгораживал, даже, помню, провинность мою на себя принял.

Юрий Петрович поднял на него взгляд своего единственного глаза – затекшего, налитого кровью и гноем, почти невидящего. Во взгляде этом не было ненависти и злобы – только боль и бесконечная усталость.

– Да будет тебе, Толенька, – выговорил он, ворочая шершавым от жажды языком. – Чего уж поминать?

– Это чтобы ты понимал, что я вовсе не беспамятный, братец. Я только свой революционный долг исполняю. А мой революционный долг говорит мне, что те, кто не с нами, те против нас. Вот ты, Юра, за нас?

Бирюков покачал головой.

– Вот падла! – весело сказал рукастый, и с размаху ударил Юрия Петровича по голове.

Не будь стул намертво привинчен к полу, Бирюков рухнул бы на бетонную стяжку вместе с ним, а так – голова его мотнулась, капли густой черной крови веером вылетели изо рта, но сознание не покинуло его. Он втянул голову в плечи, сжался, словно пытаясь спрятаться от безжалостного палача и, всхлипывая, закачался на стуле.

– Ты, Данилыч, без команды руками не маши, – сказал Анатолий Иванович строго. – Как прикажу – так можешь хоть убить. А без приказа – не смей! Понял?

– Так я ж чуть-чуть, Иваныч, – развел руками коренастый. – Я ж не в смерть, а так, чисто воспитательно! Он же контрик, сам сказал, что не за нас...

– Ты б, Юра, словами поосторожнее, брось свои дворянские штучки – голос у Анатолия Ивановича был нежным, словно он с нерадивым сыном разговаривал, а не на допросе с арестованным вел беседу. – Я ж ничего не могу против пролетарского гнева.

Бирюков молчал. В роду Анатолия Ивановича пролетариат не встречался, даже о жалованном дворянстве слышно не было. Человек – складной метр – мог бы гордиться своим происхождением, но времена поменялись и предки, дружно переворачивающиеся в гробах, ничего не значили.

Ровным счетом ничего.

Губатый, знавший от Ельцова о том, какая судьба постигла того, кто оставил свой след в истории на этих блеклых ксерокопиях и в архивах Ростовского ЧК, мысленно недобро усмехнулся. За что боролись, как говорится. В каком, бишь, году расстреляли Бирюкова Анатолия Ивановича? Где-то через месяц-два? Во время очередной чистки?

– Еще раз, Юра, повторю, этим кораблем и его грузом интересуются в Питере, в Особом Отделе. Лично товарищ Мейер интересуется. Поэтому ты лучше все хорошенько вспомни и мне расскажи. Тебе-то уж что? Ничего! И защищать вроде некого...

– Я уже все рассказывал, – то ли сказал, то ли простонал Бирюков. – Я когда приехал в Питер – рассказывал. И здесь рассказывал... Что вам еще от меня нужно?

Из угла его глаза выкатилась огромная слеза и покатилась вниз по щеке, к оборванному воротнику.

– Когда затонула «Нота»? – спросил Анатолий Иванович, не утруждая себя объяснениями.

– В ночь с 18-го на 19 июня 1918 года.

– Где?

– Миль сорок от мыса Дооб, рядом с мысом Чуговпас – точнее сказать трудно. Недалеко от берега.

– Недалеко – это сколько?

– До полумили.

– Что случилось?

– Думаю, что мина. Не снаряд – это точно. Мы шли без огней, и попасть в нас было невозможно и с кабельтова. Да и взрыв был глухой... Определенно мина!

– Зачем шли так близко?

– Для безопасности и шли – по-над скалами.

– Странно, – произнес Анатолий Иванович саркастично. – Откуда там мина? Ветром ее надуло, что ли?

Несмотря на связанные за спиной руки, Юрий Петрович попытался пожать плечами, и у него получилось.

– Капитан говорил, что там сильное течение вдоль берега. Вход в Цемесскую бухту минировали, могло сорвать и отнести. Впрочем, я не знаю, я не минер и, по большому счету, не моряк.

– Течение, говоришь? Что ж... Может быть, может быть... Пусть так. Рассказывай дальше.

– Около двух часов ночи я вышел на палубу перекурить. Мы вообще все не спали этой ночью, спорили о том, что видели в Новороссийском порту. Штормило, но не сильно. Было ветрено и дождь... Даже не дождь, а такая противная морось, заползающая под дождевик и бушлат. Я зашел с подветренного борта – со стороны моря и спичку зажечь не получилось бы, не то, что закурить!

– Кто еще был на палубе, кроме тебя?

– Я никого не видел. Вахтенный, наверное, был. Викентий Павлович прошел в рубку. А потом – громынуло.

– Слева? Справа?

– Скорее уж – под днищем. Я упал. Тряхнуло здорово, затылком о переборку приложился, встал – вижу, что кормы нет, она нас обгоняет и уходит к берегу под прямым углом, словно ее на буксир взяли. А нос и меня вместе с ним кружит, как в водовороте речном, и под воду затягивает.

– Ты кого-нибудь видел на палубе?

Бирюков покачал головой.

– А Чердынцев твой?

– Тела лично я не видел, но не думаю, чтобы Викентий Павлович остался жив.

– А как ты остался жив?

– Повезло, наверное. Я когда за борт прыгнул, чтобы не затянуло, попал в то же течение, что и корма «Ноты». Меня, правда, о скалу приложило волной, но на берег я выбрался, хоть и вода была холодная для лета, но все-таки не ледяная.

– Опиши место.

– Бухта, как бухта. Таких на побережье полно, но особенность есть. Справа скала, как волнорез – низкая, длинная и в море уходит. А слева – громадная, как причальная стенка. Высокая такая.

– Твою мать! – громко сказал Губатый. – Твою бога душу мать!

Он вскочил.

– Еще раз!

– Что еще раз? – переспросила Ленка.

– Какая скала слева?

Ельцов уткнулся носом в бумаги.

– Слева – высокая, как причальная стенка.

– А справа?

– Низкая. Как волнорез.

– А тут что?

– Да брось ты, Пима, орать, – сказала Изотова с раздражением. – Ты что – самый умный, да? Мы это уже тысячу раз перечитывали...

– Точно, – подтвердил Ельцов. – Как минимум. Я сейчас это читал, чтобы ты еще раз про корму услышал. Тут дальше Бирюков говорит, что каюта Чердынцева, где стоял сейф, располагалась ближе к юту.

– Ну, и хорошо, что читал, знаток ты наш... – сказал Губатый, мысленно просчитывая, насколько существенной может быть ошибка. – И я не сразу понял. Как ты бухту вычислял? По этим скалам?

– Да, – подтвердил Ельцов. – И по могиле Чердынцева. И по расщелине, по которой Бирюков вверх выбрался.

– Ошибся ты, – сказал Пименов просто и снова уселся. – Ошибся, Олег. Как ты привязался?

– По бумаге, естественно!

– Но смотря со стороны моря?

– Ну, да! А как иначе? – удивился Ельцов.

– Когда Бирюков увидел бухту?

– Утром, – быстро проговорила Изотова. – Ночью он ее видеть не мог никак. Темно.

– А где был Бирюков утром?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.